

Григорий Арутюнян

ГДЕ КУРА...
ГДЕ МОЙ ДОМ...

АНЕ, МОЕЙ НЕСРАВНЕННОЙ СЕСТРЕ

ГРИГОРИЙ АРУТЮНЯН

*Аня, Анна, Анабэль!
Где же ты?!
Без тебя я погибаю.
Помоги...*

Г. А.

ГДЕ КУРА... ГДЕ МОЙ ДОМ...

(пролог к «Антиквариуму»)

ЗАНГАК
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЕРЕВАН • 2012

УДК 070
ББК 76.12
А 868

.. Уходят люди... Их не вернуть,
Их тайные миры не возродить,
И каждый раз мне хочется опять
От этой невозвратности кричать...

Е. Евтушенко

АРМЕНИЯ

Зангезур¹

Начало двадцатого века

Аповенц Хечо

У бедняка Хечо умирала жена. Тусклый свет лучины, догорающей в холодном глинобитном домишке, высвечивал ее бледное лицо. Она была еще очень молода, но успела родить троих мальчиков. Младшему, Вагаршаку, было чуть больше года. Прильнув к матери, наблюдал он за происходящим. Старшие, Николай и Сурен, склонив головы, молча переживали с отцом невосполнимую утрату.

Гнетущая тишина прерывалась отдаленным волчьим воем.

Последними словами умирающей были:

«Хечо—джан, позаботься о детях... Не дай погибнуть маленькому Вагаршаку. Обещай, чтобы я ушла спокойно...».

И Хечо обещал.

¹ Здесь и далее пояснения см. в примечаниях в конце книги (Г. А.)

Арутюнян Григорий
А 868 ГДЕ КУРА... ГДЕ МОЙ ДОМ... / Г. Арутюнян. – Ер., : Зангак, 2012, 88 с.

«Где Кура... Где мой дом...» – продолжение начатого доверительного разговора с читателем. Интересны и иллюстрационные документальные материалы книги, публикуемые впервые, а также подробные примечания автора с приложением характерных тифлиских фраз и выражений.

УДК 070
ББК 76.12

ISBN 978-9939-68-010-1

© Арутюнян Г. В., 2012
© «Зангак-97» ООО, 2012

При перепечатке иллюстраций разрешение автора обязательно

Прошло несколько лет.

Время было тяжелое, голодное, в особенности в Зангезуре, под носом у младотурков, устроивших очередную резню армян на виду равнодушного и алчного мира.

Однако Зангезур, как не раз в своей истории, героически боролся даже в одиночку, и выживал.

Не впадал в отчаяние и Аповенц Хечо. Но одному с тремя детьми было неимоверно сложно. И он привел в дом другую женщину. Она родила еще двух мальчиков.

Для маленького Вагаршака настали трудные времена. Мачеха, не осмеливаясь пререкаться со старшими пасынками, отыгрывалась на младшем. Отца и старших братьев целыми днями не бывало дома, и мальчик оставался в полной власти чуждой ему женщины, не дающей ему ни минуты покоя. А в отсутствие мачехи приходилось присматривать и кормить маленьких братишек, самому оставаясь полуголодным. Отец, будучи неплохим шорником, брался и за любую поденную работу за харчи, выкраивал их, и дома, тайком от жены, отдавал мальчику.

У берегов Воротана¹

В Армении установилась Советская власть.

Вагаршак пошел в школу. Но заниматься дома не было никакой возможности. Мачеха, видя его за уроками, раздражалась, жаловалась мужу, что мальчик уваливает от работы. Чтобы меньше видеть его в доме, она поручила ему пасти соседских коз. С козами было легче – они паслись себе на склонах гор, а он мог немного подзаняться у берега бурлящего Воротана: чертил на мокром песке палочкой таблицу умножения, учился писать. Позже научился, выдавливая росшие вокруг какие-то синие ягоды, получать подобие чернил и тонкой тростиночкой писать ими на бумаге.

Прошло еще несколько лет.

Хечо частенько хворал, сказывались жизненные невзгоды. Судьба Вагаршака не давала ему покоя: что ожидает мальчика, когда его не станет – всю жизнь пасти чужих коз и овец или подковывать осликов? Вокруг голод, разруха. Старшие сыновья уже повзростели. У младших есть мать. А Вагаршак может остаться сиротой... Разве об этом просила его перед смертью бедная жена?!

Каждый вечер Хечо тайком обливался слезами, глядя на растерянные глаза своего любимого сына. Мачеха продолжала без стеснения глумиться над ним. Проклинала и била метлой, если, не дай бог, замечала, как он, изголодавшись, отрывал кусочек лаваша. Ночами отчитывала мужа за поблажки с его стороны.

Вагаршаку пришлось с третьего класса оставить школу. В лохмотьях с чужого плеча, в трегах³ старших братьев, он пас соседский скот. Спасала только величественная зангезурская природа. Часами мог он смотреть на горные реки, вековые остроконечные скалы с пещерами, где когда-то, да и в эти времена еще, обитали люди. Питался тутой, различными ягодами, пил кислую минеральную воду – тту джур, бьющую ключом из подземных источников. А вечером, вернувшись домой и не смея заикнуться о еде, дожидался отца. Только увидев его, в глазах мальчика мелькала радость и надежда.

Дальнейшая судьба маленького Вагаршака непрестанно мучила Хечо.

Он вспоминал свою нелегкую жизнь, покойного брата Вартана, его сына Арсена, который после службы в царской армии обосновался в Тифлисе. Теперь у него семья, работа и крыша над головой.

И к Хечо пришла спасительная мысль. Он решил отправить писем племяннику и попросить его взять Вагаршака к себе. Конечно, А... только-только налаживает свои дела в городе, у него две миленькие дочурки, но он, несомненно, постарается помочь мальчику на перепорогах.

Решение было трудное и для Хечо, и для маленького Вагаршака, которому предстояло покинуть какой-никакой, но отчий дом, и отправиться в незнакомые края. Такова жизнь.

Не поделившись ни с кем своей задумкой, Хечо приступил к ее осуществлению.

Лори⁴

Начало двадцатого века

Одзунский монастырь⁵

Двадцатый век начался очередным испытанием для человечества. Каждый народ, взвалив на себя новые тяготы, вынашивал и новые надежды. Армения, как всегда, была в круговороте этого бушующего котла войн, революций, пересмотра истории. Сильные мира сего решали глобальные задачи, не ставя ни в грош судьбы и чаяния простого люда.

И если в Зангезуре преемники Исаея Ори⁶ и Давид Бэка⁷, твердые, как вековые скалы, выживали благодаря своей непоколебимости, стоическому характеру, то, к примеру, в Лори к этим качествам прибавлялись веселый нрав, самобытный юмор, врожденная мягкость и лиризм великих лорийцев – Туманяна, Саят-Новы...

По красоте и разнообразию природы Лори или, как его еще называют, Гугарац ашхар, мог соперничать с Зангезуром – Сюник ашхаром. Лорийцы – прекрасные охотники, питались также рыбой из многочисленных речушек и, конечно же, своей гордости – Дебета, (Ованес Туманян называл его Дэв-гет), стремительно бегущего в объятия Куры.

Ерем Агванян, несмотря на нелегкие времена, был полон оптимизма. Молодой, красивый, он жаждал встретить девушку своей мечты и связать с ней судьбу.

Однако сколько ни всматривался он в девушек родного села Одзун, ни одна не западала в душу.

Но сегодня Ерем был счастлив. Наконец, встретила его у монастыря та самая мечта: стройная, белолицая, с синими глазами на красивом, улыбчивом личике. И одета была опрятно, и в движениях чувствовалась порода, девичья гордость.

Ерем впервые в жизни заробел, не смея вымолвить нежданной красавице хоть словечка.

Когда она исчезла, как видение, он, придя в себя, спросил привратника монастыря:

– Кто этот ангел?! Почему я никогда ее не видел?!

– Как ты мог ее увидеть?! Она живет по ту сторону ущелья, высоко в горах, в селе Лорут, и редко покидает отчий дом. Отец ее, тер-Арсен Меликян, настоятель наших Лорийских монастырей. Кстати, он близок с твоим отцом, Алексаном.

– Так это дочь тер-Арсена! – изумился Ерем и, трепеща от нахлынувших чувств, поспешил домой.

Уста Алексан был дома и пребывал в приподнятом настроении.

– Отец! Хорошо, что я застал тебя! – выпалил с порога молодой человек.

– Жаль, Ерем, что ты не пришел немного раньше, – у нас были уважаемые гости.

Уста Алексан любил, когда к нему заходили друзья, и хотя жили они небогато, но стаканчик вина собственного приготовления, немудреная

закуска, фрукты, а зимой – отварная картошка с хрустящим соленьем,
– дома всегда находились.

– Да, жаль, Но, ты знаешь, кого я случайно увидел в нашем монастыре
и уже влюбился в нее?!

– Кого же?

– Дочь тер–Арсена из Лорута! Мне не удалось перекинуться с ней ни
словечком, но я хочу, чтобы она стала моей женой!

Алексан, приглаживая ус, пристально взглянул на сына, продолжавшего
стоять у порога, и налил ему стаканчик вина.

– Сядь, Ерем. Выпей и выслушай меня.

Ерем прошел в комнату, выпил и, продолжая стоять, с нетерпением
ждал реакции отца.

Уста Алексан не торопился с ответом. Он медленно набивал табаком
чубук, что обычно делал редко, в особо важных случаях и
разговорах.
Наконец, сказал:

– Сынок... Сегодня нас навестил тер–Арсен с дочерью Устиан, о
которой ты ведешь речь... Видимо Богу было угодно, чтобы вы с ней
встретились в монастыре, куда она вошла зажечь свечу Богородице. А
теперь о твоём решении. Тер–Арсен строг к своим детям. Но Устиан
он балует. Она живет, как ханум. К ней уже приходило немало сватов,
но она всех спровадила с порога. Ерем–джан, я советую тебе
хорошенько подумать, – сможешь ли ты удовлетворить потребности
такой капризницы?!

Слова отца еще более подстегнули чувства молодого человека, – он
уже перестал слушать, – ему не терпелось, как можно скорее добраться
до Лорута и увести Устиан...

С этими думами он провел ночь, а на рассвете, накормив верную
лошадку, собрался на другую сторону величественного дебедского
каньона. Надел парадную рубаху, подтянул ее ремнем, на котором
всегда висел доставшийся ему от предков кинжал. Накинул легкую
чоуху. По привычке взял и охотничье ружье системы «мосин»⁸, но в
последний момент передумал и оставил его дома.

Красавица из Лорута

Кто был в этих краях наверняка не забудет древние поселения,
притаившиеся высоко в лесистых горах. И Лорут не был исключением:
добраться туда можно было только по узкому горному серпантину на
коне, ослике, арбе или пешим ходом.

В это утро все было торжественно и необычно для Ерема. Он не мог
оторвать глаз от привычной палитры осени – красной меди с позолотой,
– ни один чеканщик не в силах передать эти ажурные природы.
Благодатный край в суровой на природные щедроты Армении!

Найти в Лоруте дом тер–Арсена не составляло труда.

Ерема радушно встретил сам хозяин и проводил через двор на второй
этаж дома.

Войдя в просторную, светлую комнату, Ерем остановился, как
вкопанный: перед ним на широкой тахте, застланной лорийскими
карпетами⁹, облокотившись на мутаки¹⁰, отдыхала красавица Устиан.
Ее младшие сестры, занимавшиеся уборкой дома, увидев гостя,
засуетились и стали накрывать на стол.

– Проходи, проходи, Ерем–джан, – подстегнул его голос хозяина.

– Каким ветром занесло тебя в наши края? Наверное, дела охотничьи... Но, тогда, почему ты без ружья?... Однако, какое это имеет значение?! Садись, угощайся и познакомься с моей семьей.

Это – моя старшая дочь, Устиан. А это – младшие. Сыновья тоже скоро подойдут, – они занимаются, – любят ученье, особенно Ваан. Жаль, что не застал дома мою благоверную, она гостит у родных в Санаине.

Устиан продолжала спокойно возлежать на тахте и лишь слегка склонив головку в ответ на приветствие молодого человека, слушала разговор отца с неожиданным гостем.

– Спасибо за добрый прием, уважаемый тер–Арсен, но я пришел к вам по очень важному делу. Пришел, хотя и с пустыми руками, но с переполненным благими намерениями сердцем, – сев за стол, ответил Ерем.

– Какое же это важное дело? – прищутив глаза, произнес тер–Арсен, подсев к гостю.

– Вчера я совершенно случайно встретил Устиан у нашего монастыря. Этой одной встречи мне достаточно, чтобы понять, что я хочу связать с нею жизнь! Я поведал о своем намерении отцу. Он – не против. Теперь все зависит от вашего решения и, естественно, согласия вашей дочери.

Услышав это, младшие сестры безмолвно покинули комнату.

Тер–Арсен, внимательно выслушав молодого человека, взглянул на старшую дочь своими пронзительно голубыми глазами, и произнес:

– Ценю возникшие у тебя чувства, Ерем–джан. Я уважаю род Агванянов. Твой дед, тер–Симон, царство ему небесное, оказал на меня немалое влияние.

Что касается моей дочери, то она, конечно, сама может высказаться по этому поводу. Но, ты должен учесть одно важное обстоятельство: Устиан не приучена к домашней работе, не обременена житейскими заботами. Если, с Божьего веления, осуществится твое желание, понимаешь, какая нагрузка падет на тебя?!

– Если дело только в этом, уважаемый тер–Арсен, – можете не беспокоиться! Буду носить вашу дочь буквально на плечах! – выпалил Ерем.

Устиан, к удивлению отца, продолжала слушать их разговор и не покинула комнату, как обычно бывало в подобных случаях.

Тер–Арсену все больше нравился этот кареглазый лориец с орлиным носом и твердым характером.

После наступившей неловкой паузы хозяин дома, встав в свой внушительный рост и поглаживая окладистую бороду, с хитрецей и ноткой сомнения обратился к гостю:

– Ты, парень, видать не слабак, но вынесут ли твои плечи такую нагрузку?

Кровь хлынула в голову влюбленного юноши. Не проронив ни слова, он направился к выходу.

Отец с дочерью невольно переглянулись.

Громкие стуки вывели их из оцепенения. Выскочив на балкон, они застыли у перил от неожиданной для них во дворе картины.

Ерем, обнажившись по пояс, ловко орудуя топором, рубил распиленные бревна, подлежащие для заготовки дров на зиму.

Он еще при входе во двор, привязывая свою лошадь к перекладине, заметил эту груды бревен и последние слова хозяина дома мгновенно подвели его к этому шагу.

Молча наблюдали отец с дочерью за столь необычной акцией доказательства решимости и любви...

Прошло с получаса, а Ерем все рубил и рубил... Струйки пота стекали по его смуглой коже, но мышцы только входили во вкус и блестели от испарины.

Стояла чудная осень, было очень тепло, очень красиво.

Вдруг Устиан, сорвавшись с места, сбежала по деревянной лестнице к колодцу и стала набирать воду.

Будто плывя по опавшей осенней листве, направилась она с живительной влагой к Ерему...

Тер-Арсен изумленный увиденным, вернулся в дом – такого от дочери он не ожидал!...

Вскоре Ерем и Устиан обвенчались в том самом храме Богородицы, где впервые встретились, и зажили, любя друг друга.

Родились дети.

Варя, Маня, Агван и Размик внешне походили на отца: с густыми темными волосами, орлиными носами.

Вардуш, младшая из сестер, Геворг и Арег, младший из братьев, походили на мать: голубоглазые, с правильными чертами лица.

Это была крепкая, дружная семья.

Под стук колес

Шли годы...

Ерем Агванян решил освоить какую-либо профессию, связанную с железнодорожным транспортом, – благо железная дорога проходила по их ущелью через станцию Санаин. Он устроился рабочим в депо и с усердием вбирал азы перспективной отрасли.

Так в новом братстве социалистического государства начиналась история и этой обычной семьи честных тружеников.

По причине служебных обязанностей Ерема семья переехала на самую границу Советской Армении и Грузии – станцию Садахло.

На станции Садахло – важном железнодорожном узле из Армении в Грузию и Россию – останавливались все грузовые и пассажирские поезда, дожидаясь встречного состава. Пассажиры до прибытия встречного поезда прогуливались по перрону, заодно прикупая у местных жителей вкусную, сваренную в початке кукурузу, вишню с хвостиками на палочке, хрустящие соленья, листья табака, добротные связанные веники и т.п.

Все было ладно в доме Ерема. Дети – на зависть красивые, дружные – неплохо учились в школе. Старшие дочери обзавелись семьями. Варя обосновалась в Санаине, стала многодетной мамой.

Маня вышла замуж за образованного молодого человека – Ерванда, и переехала в Эривань, где у них родилась дочурка – Эсма.

Но жизнь – это не только радость приобретений, но и неминуемость неожиданных потерь. Так случилось и с Варей, старшей дочерью Ерема. Как-то ее муж, Айко, прихватил с собой на сенокос сынишку, которому шел седьмой год. Место сенокоса на склонах дебедского каньона, где террасами прорастала высокая трава, было недалеко от их дома. Скошив траву и собрав большой стог, Айко спустился на нижнюю террасу, оставив сына наверху, который, устроившись на стоге, стоящем на краю отвеса, развлекался, качаясь на нем, как в гамаке. Увлечшись баловством, мальчик, вместе с верхним слоем сена, начал сползать вниз...

Айко в последний миг заметил угрозу, успел вытянуть руки и принять на себя падающего ребенка. Но устоять на краю ему не удалось...

В обнимку с сыном он скатился в ущелье...

Это было роковое для него падение.

Мальчик, на глазах которого по его вине погиб отец, остался жив...

Варя и восемь ее детей остались без кормильца.

Вскоре к Мане и Ерванду нагрянула беда – в одночасье ушла из жизни их дочурка, став жертвой острого дифтерита.

Но большая, страшная общая беда – вероломная агрессия немецкого фашизма и Великая Отечественная, – была еще впереди.

В преддверие войны, при исполнении служебного долга, спасая железнодорожный состав от аварии, трагически погиб на железнодорожных путях Ерем Агванян...

ГРУЗИЯ

ТИФЛИС²

Начало двадцатого века

В одном из дворики Тифлиса по улице Пушкинской¹¹ уже несколько лет жил с семьей Арсен Вартанович Аваков, выходец из Зангезура. Дали ему это жилье после установления Советской власти в Грузии. Увлеченный идеями революционеров, он тоже внес посильную лепту в их борьбу, был арестован вместе с Филиппом Махарадзе, известным грузинским большевиком. Он же, Махарадзе, и другие видные деятели партии подписали характеристику Авакову для вступления в ряды единомышленников. Но он, почему-то, в партию не вступил.

В Тифлис Арсен Аваков попал после службы в царской армии. Его, незнакомого солдата, приютила семья Лазаря и Вергинэ Туманян.

Вергинэ Туманян, или как ее все называли – Вергуш, волевая, умная женщина, сочувствующая большевикам, приходилась тетей Анастасу¹² и Артему Микоянам¹³.

У Туманянов было три дочери и сын Гайк (Гай), будущий боевой генерал-лейтенант.

Одна из дочерей, Ашхен, стала женой Анастаса Микояна, несмотря на близкое родство между ними.

В этот период и познакомился Арсен с братьями Микоян.

Это знакомство сыграло немаловажную роль в его жизни.

В доме Туманянов Арсен встретился с двоюродной сестрой Ашхен, Анэт, доброй, чуткой девушкой, часто гостившей у своей тетушки Вергуш.

Анэт не осталась равнодушной к чувствам Арсена. Молодые поженились.

У них родились две девочки. Симпатии Арсена к власти Советов сказались и на выборе имен дочерей. Младшей он дал имя – Совет, и называл ее только так. Все остальные звали ее Теда.

Старшую дочь назвал Зарик, ассоциируя это имя с революционной зарей.

* * *

Постепенно Арсен переходит к мирной жизни и овладевает ремеслом портного.

Лазарь Туманян покупает для него швейную машину «Зингер», заплатив 465 рублей золотом. В то время это были большие деньги, но Лазарь Артемьевич очень хотел помочь юноше и его молодой семье. Сам он был приказчиком и мечтал открыть свое дело. Но ему это так и не удалось – он был чересчур честен применительно к законам бизнеса.

Арсен успешно сдает экзамены по классу европейских портных.

Цех портных Тифлиса делился на специалистов по европейскому, азиатскому и грузинскому национальным костюмам.

Аттестационная комиссия амкарства¹⁴ Тифлиса за подписью «ремесленной головы» города и старшины цеха портных – устабаша А. Акопджанова, – выдает ему «Аттестат мастера по классу европейских портных с правом открыть свою мастерскую». Что он вскоре и осуществляет.

² Так назывался Тбилиси до 1936 года.

Мастерская продержалась недолго: с завершением бурного периода нэпа она закрывается.

Арсен берет заказы на дому. Но их мало и, чтобы прокормить семью, днем работает в аптеке, помогая другу, опытному фармацевту Сетраку Малянчу.

Аптека эта так и называлась, – как и улица, на которой находилась, – «Пушкинская аптека». Она принадлежала наследнику магистра фармацевтики Н. Иоаннисиану. Здесь не только готовили и продавали медикаменты, но и делали анализы мочи, мокроты, женского молока и т. п.

Вскоре и эта аптека закрывается, и он переходит в другую аптеку, в Сололаке¹⁵. А по вечерам дома шьет.

Однажды вечером, когда Арсен возвратился домой, Анэт протянула ему почтовый конверт.

Арсен распечатал конверт и стал читать письмо вслух. В письме была та самая просьба его дяди Хечо из Зангезура относительно маленького Вагаршака.

– Арсен–джан, прямо сейчас напиши ответ. Пусть мальчика привезут как можно скорее! – еле сдерживая слезы, сказала сердобольная Анэт.

* * *

Анэт взбивала подушки на подоконнике окна, выходящего на Соломоновскую¹⁶ улицу. За этим занятием она увидела двух озирающихся по сторонам солдат и растерянного подростка с узелочком в руках.

Заметив Анэт, солдаты спросили:

– Уважаемая, не скажете, где тут улица Пушкинская?

– А кого вы ищете? – поинтересовалась Анэт – сердце щемило и уже подсказывало ей что–то.

– Нам нужен Арсен Аваков. Он живет по адресу Пушкинская 19. Мы привезли к нему из Армении этого мальчика, – ответили солдаты, ласково прижимая к себе подростка.

Анэт чуть не вывалилась от радости из окна:

– Вай–мэ! Вай–мэ! Это и есть дом Авакова!... Вы просто зашли не с той стороны... Я сейчас выйду и открою вам ворота со двора!. Подождите..., не уходите..., вы правильно пришли...

В радостном волнении Анэт открыла железные ворота ипустила путников во двор со стороны Соломоновской улицы.

Войдя во дворик, солдаты с мальчиком поднялись по деревянной лестнице на балкон и вошли в дом.

Дома были только маленькие Теда и Зарик.

Анэт напоила путников чаем, угостила, чем могла.

Солдаты, убедившись, что попали по адресу, тепло попрощались со всеми, в особенности с мальчиком, с которым успели подружиться в дороге, и, с чувством выполненного долга, отправились дальше.

Все это время мальчик растерянно смотрел на происходящее. Тетя Анэт заботливо за ним ухаживала, девочки, задорно смеясь, бегали вокруг, тянули его за шаровары, что–то тараторили на армянском, грузинском, русском.

А Вагаршак ничего не понимал. Он, конечно, не знал ни русского, ни грузинского, ни тифлисского диалекта армянского.

Когда он пытался что–то объяснить, девочки хохотали еще громче, – они тоже не понимали потешного гостя.

Анэт пробовала переводить сказанное мальчиком. От мужа она успела немного научиться зангезурскому диалекту.

На балконе послышались громкие шаги, дверь отворилась, и в комнату вошел Арсен Аваков.

Это был высокий красивый мужчина лет тридцати, со щегольскими усами. Одет был просто, но не без шика.

Он сразу увидел мальчика в окружении домашних. И хотя виделись они впервые, оба радостно бросились в объятия друг к другу.

«Вагаршак–джан, Вагаршак...», – повторял Арсен.

«Даи–джан, даи...», – вторил ему счастливый мальчик, сразу же почувствовав опору и защищенность.

Он называл его «даи», что почтительно означает – дядя, хотя они были двоюродными братьями.

Придя в себя, мальчик стал рассказывать своему даи, как он с незнакомыми людьми отправился в дорогу: солдаты направлялись в Тифлис, и Хечо попросил их взять с собой и сына, – сопроводить его сам он не мог, – хворал в последнее время.

Вагаршак все рассказывал и рассказывал единственному человеку, кто понимал его в этом незнакомом городе.

Арсен был на седьмом небе от счастья – он слышал родной Зангезур!

Девочки с изумлением вслушивались в разговор. Теперь уже они не могли понять их говора.

Анэт стала накрывать на стол.

Но Арсен предложил лишь немного перекусить и сходить в баню:

– Анэт, ты лучше приготовь нам все для бани. Пообедаем мы вернувшись. А еще – напиши письмо Хечо, чтобы он не беспокоился – Вагаршак уже дома.

Баня

Арсен и Вагаршак с узелками в руках пошли в баню.

С Пушкинской улицы по Эриванской площади¹⁷, через Армянский базар¹⁸ они спустились к Майдану¹⁹, в Абаносубани – царство знаменитых тифлисских бань.

Теперь настал черед Арсена рассказывать и знакомить мальчика с городом.

Арсен Аваков знал Тифлис очень хорошо. Знал каждую улочку с новым и старым названием, каждый дом, каждый дукан с его хозяевами и историями. Он обожал Тифлис, свою вторую родину.

Вот и Мирзоевская баня²⁰.

Банщик приветливо их встретил, дал отдельный номер.

Прежде чем приступить к купанию, они надели специальные деревянные сандалеты – «коши», предварительно промыв их из резинового шланга.

Конечно, Вагаршак был бы больше удивлен, зайдя в общие купальни – ведь он впервые в жизни попал в баню! И сразу в тифлискую! Сказать по правде, он тогда не очень-то понял, что это значит – не с чем было сравнивать. Дома, если удавалось, он купался в корыте, а летом в речушках, счищая грязь пористыми камнями.

Под мощной струей горячей воды мальчик стал торопливо мыться, думая, что вода может вот-вот кончиться.

Мыло все время ускользало из рук, а, намылившись, как назло, не смывалось.

Заметив это, Арсен, улыбаясь, сказал:

– Купайся спокойно, Вагаршак. Эта вода послана Богом из природных источников. Она шелковистая потому, что в ней много полезной для кожи серы. А сейчас, возьми это, – он протянул мальчику шершавую

карпетную варежку, — и протирай им тело. Затем ополоснись и войди в хауз²¹. А я вызову кисачи²².

Арсен громко окликнул кого-то и в номер вошел перс атлетического сложения, с гладко выбритым затылком, обнаженный, обвернутый ниже талии белой простыней.

— Салам!²³ — громко выкрикнул кисачи, подойдя к уже ожидавшему его на каменном лежаке клиенту.

— Салам! — ответил Арсен, и положил голову на скрещенные руки.

Терщик ловко вскочил на спину лежащего и стал энергично массировать ему мышцы, выкручивать суставы, сопровождая все это грустным мугамом²⁴.

Наконец, кисачи закончил акробатические трюки, взял сшитый из тонкой материи мешочек, смочил его, бросил туда кусочек мыла, хорошенько потер мешочек, и во все легкие вдул в него воздух. Мешочек превратился в большущий мыльный шар!

Этот огромный белый пузырь он выжал на Арсена, и тот с головы до пят скрылся под мыльной пеной!

Все эти действия, опять же, сопровождались экзотичным вокалом и шумными возгласами.

Выждав секунду, кисачи, черпая из хауза деревянной бадьей горячую воду, стал окачивать ею своего клиента, пока пена с него полностью не смылась.

Затем, шлепнув знающего толк в банных процедурах заказчика по спине, он с удовлетворением произнес:

— Яхши!²⁵

Арсен открыл глаза, секунду лежал неподвижно, затем лихо встал, отряхнулся, бодро задвигал членами и, повернувшись к персу, поблагодарил его:

— Сагол! Чох сагол!!!²⁶

И без того мощный голос Арсена, усиленный сильной акустикой, звучал, как из под купола.

Мальчик будто пребывал во сне.

Закончив с купанием, они немного отдохнули в предбаннике. Арсен развязал узелок с бельем и новой одеждой для Вагаршака, подобранной Анэт. Всю его старую одежду он также завязал в узел и передал банщику. Ему же передал и положенное вознаграждение за услуги терщика.

Поблагодарив и попрощавшись с ним, они вышли на Майданскую площадь.

Был душный, летний тифлисский вечер. Майдан кишел людьми. Из ближайших домов, проезжавших фаэтонов, плотов с кутилами на Куре — неслись звуки зурны и пения.

Перед духанами за столиками на улице сидели мужчины разного возраста: ели, пили, стоя поизносили тосты.

Казалось, что никакие мировые катаклизмы не отразились на этих людях.

Арсен, как обычно после бани, пребывал в прекрасном расположении духа. К этому прибавилась и радость от встречи с Вагаршаком.

Они сели за один из столиков, и к ним тут же подскочил бойкий официант в широких шароварах:

— Пачет и уважэни, батоно Арсен!

— Астцу барэв, цавт танэм!²⁷ Мне, как всегда, две кружки пива, а для молодого человека — холодного лимонада! — покручивая щегольские усы, ответил Арсен.

– Сейчас через час, сию минуту, генацвале! – продекламировал забавный официант и исчез. Но неожиданно быстро появился вновь и поставил на столик кружки с пивом и бутылочку с лимонадом. Достал пробочник и, ловко зажав бутылочку между ног, стал артистично вытягивать пробку.

Раздался легкий хлопок, и маленькая стеклянная кружка для мальчика наполнилась искрящимся лимонадом:

– Пейте на здоровье!

Янтарная жидкость сверкала через грани стекла, брызги мельчайших, холодных пузырьков обдавали лицо и щекотали в носу...

Медленно, маленькими глотками пил мальчик впервые в жизни этот чудный напиток, продолжая слушать Арсена, разговоры вокруг.

И что удивительно – он вдруг стал все понимать! Понимать через интонации, восклицания, взгляды, жесты куляции доселе незнакомый ему говор, незнакомые словечки.

Он все еще не осознавал происходящего с ним.

Не осознавал, что это Тифлис, умеющий очаровывать, начинал свое колдовство.

То, что открывалось мальчику, отличалось от его представлений о Большом городе (куда ему не очень-то хотелось ехать), где, как ему казалось, живут неприветливые, занятые делом люди, заносчивые богачи – в кутежах и увеселениях и самая опасная категория горожан: жулики, воришки и пройдохи.

Тифлис удивил его. Здесь не было хмурых лиц – все были заняты, и все были веселы. Все предавались кутежам: и богач, и бедняк, и порой трудно было понять «кто правит балом». Трудно было определить и жуликов: все были готовы помочь ближнему, проявляя при этом благородство. Грубый обман и издевка не принимались.

Все вокруг напоминало веселую, добрую игру, где не бывает проигравших и обиженных, и каждый виртуозно исполнял в ней свою роль.

А дирижером в этом представлении был, конечно, Тифлис!

Тифлисский цирюльник

Прошло время и надо было решать, что делать мальчику дальше.

К осени он стал ходить в ближайшую армянскую школу, начав снова с первого класса. Несколько странно выглядел провинциальный подросток среди малышей–одноклассников. Малыши подтрунивали над ним, учителя относились с пониманием и терпением.

В Тифлисе, как и в других молодых советских республиках, было очень трудно с продовольственными продуктами, особенно с хлебом – его давали по карточкам.

Чтобы как-то облегчить вопросы питания мальчика, Арсен попросил буфетчика школы при возможности подкармливать мальчика остатками хлеба. Взамен обещал буфетчику, в случае надобности, помочь с лекарствами из аптеки.

Буфетчик согласился и тайком давал мальчику остатки хлеба от школьных завтраков. Но какие остатки?! Это были черствые, заплесневелые кусочки.

Что делать? Знакомое чувство голода снова преследовало его. И он ел этот «хлеб», запершись во время перемен между уроками в туалете, чтобы никто не видел этого «завтрака».

Вагаршак видел, каких трудов стоит Арсену содержать семью. И он решает оставить школу и обучиться ремеслу.

Как-то вечером он поделился своим выбором с Арсеном.

– Давай, я обучу тебя портняжному делу, – предложил Арсен.

– Даи, мне хотелось бы выучиться на цирюльника. Я кое-что умею – мне приходилось стричь своих братьев. Да и вам уже не придется ходить в парикмахерскую.

На том и сошлись.

Арсен договорился с варпетом в цирюльне у Солдатского базара²⁸, чтобы тот взял мальчика в ученики. Мальчик же за это будет ему помогать и в мастерской и, если возникнет необходимость, в домашних делах.

Вагаршак, оставив учебу, стал каждый день ходить в эту мастерскую – дукан. Место, недалеко от знаменитого тифлисского базара, было бойкое, посетителей много. Здесь не только стригли, брили, но и делали компрессы, массаж шеи и лица, ставили пиявки, хранящиеся тут же в стеклянных баночках с водой, втирали различные мази из серы и чеснока против перхоти и облысения, лечили от угрей и фурункулов квасцами и пивными дрожжами.

Мастера еле успевали обслужить клиентов. Мальчику надлежало их встретить, сопроводить к мастеру, греть и подносить воду, смоченные в воде салфетки для компрессов, пиявки, подметать срезанные волосы, выполнять многочисленные поручения варпетов и клиентов.

И так, с утра до позднего вечера. Работа сопровождалась шутками, анекдотами, розыгрышами, рассказывались и пересказывались городские новости, сплетни.

Прошло несколько месяцев. К сожалению, об обучении ремеслу не было и речи, – «ученик» был им нужен для побочной работы.

Это до поры не смущало Вагаршака. Но постепенно он стал задумываться: как же самому научиться обслужить клиента? И он решил пойти на хитрость и самостоятельно вникнуть в секреты ремесла. Стал между делом подглядывать за действиями варпетов: как они орудуют ножницами, расческой, опасной бритвой, как ставят компрессы и т.д. Повторял все это дома, пробуя подстригать волосы Арсена.

Однажды, когда Вагаршак подметая пол, украдкой следил за действиями мастера, тот заметил и понял его намерения.

– То–о–о, лацирак²⁹!!! Без году неделя в учениках, а уже хочешь стать устой! Для этого надо съесть пуд соли! Еще раз увижу, что подглядываешь – выкину на улицу! – окрикнул он подручного юнца, и дал ему сильную затрещину...

Этим же вечером Арсен заметил, что мальчик грустен.

– Что случилось, Вагаршак?

Мальчик рассказал об эпизоде в мастерской, и добавил:

– Даи! Хочу начать самостоятельно работать, но у меня мало практики. Посоветуйте, как мне поступить?

Арсен слушал, вышагивая по комнате, заложив руки за спину.

После небольшой паузы он произнес:

– А ты начни свою практику в нашем дворе. Инструменты я достану. С клиентурой проблем не будет – на улице полно неимущего люда – ты можешь учиться на них. Конечно, бесплатно. Все остальное зависит от тебя.

И действительно, когда Вагаршак с появлением у него всего необходимого, стал зазывать с улицы людей для бесплатной стрижки и бритья, желающих нашлось немало. Это были, в основном, муши – носильщики.

К дереву унаби³⁰, любимцу и старожилу двора, приспособили довольно приличное зеркало – дверцу платяного шифоньера, поставили табурет и – рабочее место готово. Выступы на стволе унаби служили вешалкой для головных уборов клиентов. Проблема с теплой водой тоже решилась просто: дело было летом и вода, набранная из крана в центре двора, быстро грелась под жаркими лучами тифлисского солнца.

Бородатые муши охотно откликались на заманчивое предложение. Однако согласившись, стиснув зубы, терпеливо дожидались конца добровольной, но зато бесплатной пытки. Многие шли на это с пониманием, видя страстное желание мальчика найти себя в жизни. Все происходило под веселый каламбур соседей, для них это был обычный дворовой спектакль и повод для острот, незлобных шуток в адрес мальчика и его клиентов.

Вагаршак уже принял игру и правила города и держал перед ним очередной экзамен, решив идти до конца, чего бы это ему ни стоило.

Некоторые слабонервные клиенты не выдерживали конца «эзекуции» и, срывая с себя простынки, с недобритой щекой или черепом пускались наутек под хохот, свист и характерные тифлисские возгласы зрителей-соседей:

- Ва-то!!!
- Авое!
- Чантракулия сакмэ!
- Посмотри, на кого он стал похож – настоящий клиав!
- Такая прическа называется «зверски бокс»!!!
- Аба, давай, миат глохов пэнал хпи!...

Незадачливый юный цирюльник бежал за ними, относя **забытую** на унаби кепку или верхнюю блузу, просил извинения.

А зрителей эти сцены приводили в восторг.

Вагаршак не находил себе места в такие минуты. Особенно переживали Анэт и девочки. И, конечно, Арсен – он тайком наблюдал за происходящим из окна. Вагаршак в минуты растерянности виновато поглядывал в сторону этого окошка. Ему больше всего на свете не хотелось, чтобы даи пришлось краснеть из-за него.

Но постепенно упорство стало приносить плоды. Муши **не только** приходили сами, но и приводили друзей, знакомых.

Весть о бесплатной цирюльне, где мальчик делает и лицевые компрессы, и массаж шейных мышц, стала распространяться по всему кварталу.

Вагаршак уже мастерски делал свое дело, с уважением к клиенту, весело, с шутками, внося в городской сленг и свои интонации.

К работе мальчика часто подключалась и дворовая детвора: Омари, Лева, братья Мирзоевы. А сосед Жора Дралинский, опершись об унаби, задорно играл на гармошке. Рядом, чутко реагируя на игру своего хозяина, крутился его верный пес – Тарзан.

Вскоре во дворе стала выстраиваться очередь. Появились и клиенты, предлагавшие мальчику деньги.

Насмешки зрителей уступили место ворчанию соседок на большое скопление людей. А мужская половина двора сама с удовольствием пользовалась услугами юного мастера.

В один из этих дней к Арсену пришел тот самый варпет, к кому на предполагаемое обучение был отдан Вагаршак. Он виновато просил вернуть мальчика в дуكان, где ему будет предоставлено место для индивидуальной работы.

– Спасибо. Ваш «ученик» многому у вас «поучился». Теперь он может выбирать сам, – ответил Арсен.

Успешно пройдя дворовую школу, Вагаршак нашел себе работу на Головинском проспекте³¹. Это была солидная мастерская, где варпеты работали в две смены. Он быстро вписался в многонациональный коллектив. Для посетителей это был дом родной, а для мастеров каждый клиент – друг и товарищ.

И вот, когда у Вагаршака постепенно все стало налаживаться, пришло скорбное известие. Как-то вечером, вернувшись с работы, он застал грустно сидящих на тахте домочадцев.

– Вагаршак–джан, у нас печальная весть... Мы получили письмо, где сообщают, что умер твой отец, Хечо... Его уже похоронили... – сказал Арсен.

Вагаршак заплакал:

– Я стал круглым сиротой... Маму не помню, нет даже ее фотографии... А теперь бедный отец... Я хотел немного встать на ноги и поехать к нему. Куда мне теперь ехать?... – сквозь слезы проговаривал он.

– Тебе не надо никуда ехать, мой мальчик... Ты давно для нас как сын... Я всегда мечтал иметь сына похожего на тебя, – склонив голову, тихо произнес Арсен.

Слезы печали смешались со слезами надежды. Анэт, девочки обнимали и с теплом прижимали к себе растерянного в чувствах Вагаршака.

– Анэт, принеси нам бутылку красного вина № 5. Мы помянем Хечо. Завтра в церкви я зажгу свечу за упокой его души... А мы с тобой, мой мальчик, обязательно поедem в Зангезур, поставим Хечо могильную плиту и помолимся за него в Татевском Храме³²... – сказал Арсен.

Рядовой Арсен Аваков

Выпив стакан красного вина, Арсен стал рассказывать, как он сам попал в Тифлис:

– Я тоже с раннего детства остался сиротой. Меня спасла бабушка. Когда я подрос, меня призвали в русскую царскую армию, которая воевала со многими державами, в том числе с турками.

Бабушка проводила меня до околицы деревни, обняла, поцеловала, перекрестила...

На фронте хлебнул всякого, но это была большая школа...

Война закончилась, меня демобилизовали, но я узнал, что бабушки уже нет в живых.

Что делать?

Я принял решение попытать счастья в Тифлисе, городе, который очень привлекал меня и отвечал моим тогдашним планам на будущее.

И когда наш поезд сделал остановку в Тифлисе, я сошел там со скромным солдатским скарбом.

Был вечер.

– Куда же идти?

На привокзальной площади я заметил небольшой подвальчик–закусочную и решил войти. В подвальчике сидело много мужчин: пили, ели. Тут же играли и музыканты на народных инструментах.

Я заказал что-то поесть и немного вина.

Выпив, несколько расслабился и стал слушать музыкантов. Затем, попросил их спеть песню про храброго Арсена, которую выучил в армии.

Музыканты исполнили мою просьбу и я, довольный, вышел из этого заведения.

На улице ко мне тут же подошел городской и велел следовать за ним. Он доставил меня в ближайший полицейский участок и доложил, что, мол, солдат этот не внушает доверия.

А дело оказалось в следующем. Тифлисские духаны, винные подвальчики тех лет были не только местом увеселений и кутежей, но и временным пристанищем для революционеров, беглых ссыльных, террористов. Поэтому предреволюционный Тифлис кишел царскими ищейками. И, естественно, один из них и донес городскому, что некий солдат в винном погребе в открытую заказывает негласно запрещенную песню об Арсене Одзелашвили, грузинском народном герое типа Робина Гуда.

В участке меня отпустили, поняв, что случай с песней носил курьезный характер, и перед ними храбрый солдат Отечества, а не революционер.

Оказавшись на улице, я вновь направился в сторону вокзала, думая: где переночевать?

Вокруг сновали люди, среди них много беженцев, сирот...

Возле меня крутился муша – носильщик.

– Почему грустишь, солдат? Чем я могу помочь тебе? – спросил он.

Я почему-то проникся доверием и симпатией к этому трудяге и вкратце рассказал ему, как и почему оказался в Тифлисе.

Муша сочувственно слушал и предложил найти мне временное пристанище. Тогда я попросил пристроить меня в какую-нибудь скромную армянскую семью.

Так, совершенно случайно, я попал в дом Лазаря и Вергуш Туманянов, и это оказалось для меня судьбоносным.

– У каждого в жизни бывают нелегкие времена, Вагаршак-джан. И у тебя сегодня тяжело на душе, но ты в семье родных по крови людей, – оптимистически завершил он свой рассказ.

* * *

Арсен Аваков был человек набожный и в ладу с собой и своей совестью. Он родился с Богом в душе. Это была истинно христианская вера, переданная генами, а не случайное открытие, страх или спасительная соломинка. Вера, помогавшая полноценно жить, не впадая в аскетизм и фанатизм, но дающая внутреннюю силу. Вера в человека, в справедливость, в равенство, в свет и радость. Собственно эти идеалы и привели его в молодые годы к большевикам. Ведь их изначальные лозунги были те же: свобода, равенство, братство, справедливость.

Не любил он очень показухи и ненужных излишеств в быту. Однажды, войдя в дом и увидев, что в комнатах все столы и даже подоконники загружены широкими медными тазами, а в них ягоды, обсыпанные сахарным песком для приготовления варенья на зиму, Арсен пришел в негодование:

– Анэт, что это?! Ты представляешь, если бы со мной пришел кто-либо из знакомых?! Разве он был бы не вправе удивиться, и спросить: «Арсен! Ты рабочий человек, откуда у тебя может быть столько варенья?!».

Но, конечно, ничто земное не было ему чуждо. Он любил жизнь и жил с удовольствием. Любил застолье, но знал меру. Знал цену деньгам, но был щедр – считал, что человек должен властвовать над монетой, а не наоборот. Был прост в общении, но сохранял достоинство. Ценил в людях верность слову и пунктуальность. Казалось, был старомоден, но удивлял оригинальностью поведения и поступков. Свою набожность никому не навязывал. Перед тем, как пойти в церковь, тщательно готовился – приводил в порядок себя, одежду... Дома же, наедине, доставал из нагрудного кармана небольшой образок Богородицы, хранящийся в специально им сшитом матерчатом футляре, целовал и, бережно, клал в карман. Редко позволял себе высказать вслух какое-либо наставление из Библии. К примеру, как-то один из родственников, зная его преданность и любовь к семье, полусушутя поинтересовался:

– Арсен-джан, а почему ты привязан к Вагаршаку больше, чем к дочерям?

– Иисус говорил: «Я с тем, кто внимлет моему Слову».

Действительно, привязанность его к Вагаршаку доходила до того, что он не приступал к обеду, пока тот не придет, независимо от присутствия гостей в доме.

Был случай, когда семью Авакова пришел навестить, будучи уже известным авиаконструктором, Артем Микоян.

Визит предполагался к обеду и Арсен срочно послал за Вагаршаком на работу. Анэт решила приготовить для Анушавана – так называли в узком кругу Артема Ивановича – его любимое блюдо – сваренное стручковое зеленое лобио.

Вагаршак вернулся с работы, и все ждали гостя.

Вдруг Анэт, подойдя к кастрюле с варящимся лобио, схватила за голову. Из кастрюли вытекала обильная, белая, пена.

– Вай–мэ, что я наделала! Я же вместо соли посыпала лобио содой! Слава Богу, вовремя увидела, а то накормила бы нашего Анушавана этой гадостью! – воскликнула бедная женщина, впопыхах притушив керосинку.

Времени до прихода гостя оставалось немного, но Вагаршак успел сбежать на Солдатский базар и купить заново все припасы, а Анэт успела к приходу гостя заново сварить тот же обед, только уже с солью.

Встреча с гостем прошла тепло и весело.

Артем Иванович с наслаждением слушал любимые им тифлисские тосты, рассказы, шутки. Сам он был немногословный, скромный, улыбчивый. Вел себя и одевался чрезвычайно просто. Не зная его, трудно было предположить, что это один из ведущих авиаконструкторов великой страны.

Папаша Аршак

Сосед Арсена Авакова, папаша Аршак, статный, белолицый, красивый мужчина, встречал Артема Микояна, почетного гостя, на балконе, и нарядился по этому поводу во все лучшее из своего гардероба: темный костюм, жилет с золотыми часами в карманчике, цилиндр, трость.

Он был искренне удивлен, увидев знаменитого авиаконструктора в самом простом, скромном одеянии.

После обмена приветствиями, не сумев скрыть своего удивления, папаша Аршак простодушно изрек:

– Дорогой Артэм Иванович! Со стороны может показаться, что Министр – я, а не Вы! – Он называл Министром всех, кто занимал какое–либо высокое положение в обществе.

Артем Иванович, поняв, о чем речь, улыбнулся и, взяв папашу Аршака за руку, не без смущения, тихо ответил:

– Варпет–джан, мы гордимся делами, а не одеждой.

Папаша Аршак был ровесником Арсена и приходился ему родственником, – брат Аршака, известный в Тифлисе тарист Павлэ, был женат на сестре Анэт, – у них была дочь–красавица. Она умерла совсем юной.

Чтобы сгладить горе, Павлэ с женой усыновили мальчика–сироту, Асатура.

Мальчик оказался очень способным не только к ученью, но и, к большой радости Павлэ, к музыке.

Павлэ мечтал, что Асатур станет его преемником в игре на таре.

Но мальчик выбрал скрипку!

Когда ему позволил возраст, он уехал с любимым инструментом в Москву, став впоследствии уважаемым профессором Московской консерватории³³.

Семьи Арсена и Аршака жили рядом, на одном балконе.

Аршак был родом из Гянджи, где жил довольно зажиточно, даже имел собственные бани. Когда начались гонения армян, ему пришлось перебраться в Тифлис.

В Тифлисе Аршак Зарафян занялся портняжным ремеслом – шил на заказ дорогие костюмы. После советизации, шил и обмундирование

для красноармейцев. Говорят, за это у него была письменная благодарность аж от самого Серго Орджоникидзе!

Аршак был женат на скромной зангезурке Тамаре. У них были две дочери и сын Гагик.

Вагаршак подружился с Гагиком

Гагику импонировала неумная энергия, простота в общении, незлопамятность Вагаршака. Нравился его своеобразный юмор.

Оставалось одно очень важное качество, которым юноше надо было овладеть, чтобы стать настоящим тифлисом, – это понять и принять тифлисское застолье.

Застолье

Как-то Гагик пригласил Вагаршака на свой день рождения. Гости веселились, произносили красивые тосты, играли на музыкальных инструментах, пели. Каждый старался показать на что горазд. Вагаршак скромно сидел за столом и внимательно слушал.

«Какие все умные, образованные, а что умею я?», – думал он.

В момент этих раздумий, один из гостей, громко обратился к нему:

– Дорогой! Почему не участвуешь в нашем веселье?! Давай, и ты скажи тост или спой что-нибудь!

Что он мог им сказать или показать? От стыда он готов был провалиться сквозь землю, но выручил один из приятелей Гагика:

– Да оставьте его в покое! Хотите узнать, на что он способен, – сходите завтра к нему в дукан, – он вас побреет и острижет – вот его дело! А наше дело – пить и веселиться!

Слова эти глубоко ранили сердце юноши и заставили призадуматься.

Надо отметить, что застолье и кутеж для настоящего тифлиса нечто большее, чем просто еда и возлияние от случая к случаю. Это образ жизни – особый и неповторимый.

Без застолья и кутежей можно представить любой город мира, но только не Тифлис.

Душа тифлиса по-настоящему раскрывается только во время застолья с близкими, друзьями, со случайным гостем за стаканом сухого вина и незамысловатой закуской. И главное в нем не еда и не выпивка, а сердечное общение. Тут виден человек, каков он есть на самом деле. И грош цена тому, кто только и знает, что работать, но не умеет делиться радостью и печалью с друзьями!

Как бы трудно ни жилось тифлису, бутылочка вина, пури, кусочек сулгуни, свежая зелень и речные рыбы – храмули и цоцхали, всегда украшали его стол.

После работы варпеты заходили в духаны или винные подвальчики – настоящее царство мужчин – чтобы благословить стаканом вина еще один трудовой день. Вагаршак с удовольствием шел с ними. Пили сухие виноградные вина. Водка, коньяк, крепленые вина не пользовались особой популярностью. Ну а сухое вино, как заметил еще великий русский классик, было в очень широком употреблении. В этом крылась и своя причина: сухое вино легко пилось, давая возможность растянуть застолье и всем высказаться.

В застолье тифлисец становился добрее и сентиментальнее, красноречивее и остроумнее, но, как правило, не терпел пошлости и нецензурицы.

В одном из тифлисских тостов говорится, как два марала пасутся на благодатном горном склоне, где сочной травы – видимо-невидимо, но, тем не менее, они пытаются нежно подсобить друг другу.

Так и в тифлисском застолье: теплоты, светлой ауры – хоть отбавляй, но сотрапезники стараются, чтобы было еще теплее, еще светлее.

После случая на дне рождения Гагика, Вагаршак стал внимательно прислушиваться к тостам, их очередности, запоминать притчи, песни.

Его поражало умение тамады вести застолье. Особенно восхищался мастерством известного майданского тамады Тиграна Ростомьянца. Он был свидетелем, как Тигран Ростомьянец в одной компании произнес о незнакомом сотрапезнике такой виртуозный тост, с мельчайшими подробностями из жизни тостируемого, будто был с ним «не разлей вода»!

Было у кого поучиться!

К тому же, юноша оказался способным учеником, имея природный артистизм, склонность к импровизации и собственной интерпретации увиденного и услышанного.

Вскоре он уже осмеливался возглавлять застолье. И в следующие именины Гагика тамадой был Вагаршак.

Трудно было узнать в этом веселом, поющем и декламирующем стихи молодом человеке, того самого застенчивого юношу, сидящего за этим же столом всего год назад!

Гагик был рад за своего друга, а папаша Аршак и его брат Павлэ аккомпанировали ему на таре.

* * *

Несмотря на наступившие сложные времена, партийные чистки и репрессии, жизнь в городе продолжалась в своих традициях.

В Тифлисе жили люди не только разных национальностей, но и различных вероисповеданий. Однако, в нем царила одна Вера – человеколюбие. А город сам был храмом, где его горожане не только в церквях, перед зажженной свечой, но и повсеместно и ежедневно, со стаканом вина в руках, воздавали хвалу Господу.

Но политическое напряжение, конечно же, оставляло свой след.

Арсен Аваков с тревогой просматривал свежие газеты, пестрящие именами «врагов народа». Он очень беспокоился за судьбу Анастаса Микояна.

Однажды, когда Арсен гостил у Микоянов в Москве, он спросил у Ашхен, как чувствует себя Анастас, который практически не бывал дома – приходил поздно, уходил с утра пораньше.

– Арсен–джан, с тех пор, как этот пес, Лаврентий Берия, в Москве, у Анастаса нет ни минуты покоя... – шепотом ответила Ашхен Лазаревна.

Мастера Красоты

Тифлис тех лет был одним из немногих столиц, где существование различных социальных прослоек не было преградой их тесному общению и дружбе. Здесь потомственный князь мог дружить с простолюдином, академик с ремесленником, музыкант с дворником или стекольщиком и т. д. Это создавало неповторимый колорит Города, рождало множество незаурядных личностей, прославивших его. Среди них были не только известные писатели или врачи, но и обычные тифлисцы, в особенности ремесленники.

Их, ремесленников, знаменитый грузинский поэт, академик Иосиф Гришашвили, также причислял к богеме старого Тифлиса. И был прав. Своими произведениями Гришашвили был обязан именно этой богеме. Сборник стихов, принесший ему известность уже в молодости, назывался популярной фразой лоти – кутил–ремесленников: «Не простудись, барашек–джан!». Через всю жизнь поэт пронес в сердце лишь одну тему: любовь к Тифлису и тифлисцам.

Многие ремесленники славились не только у себя в городе, но и в пределах империи. К примеру, тифлисскому оружейному мастеру Геурку Элизарову, представившего императору Николаю I свой секрет получения булатной стали, было присвоено дворянское звание и право на клеймо «Поставщик двора его Величества». Именно с кинжалом работы Геурка Элизарова изображен М. Лермонтов на своем автопортрете.

Тифлиссские базары, лавочки торговцев, ремесленные мастерские, цирюльни, кофейни–каваханы, духаны – вот та среда, откуда щедро черпали темы и прообразы своих героев практически все тифлиссские, да и не только тифлиссские, писатели, поэты, композиторы, художники.

В тифлиссских винных подвальчиках, духанах–садах не только рождались творческие замыслы, но зачастую там же и осуществлялись.

Сами названия этих заведений уже настраивали на поступок:

«Не уезжай, голубчик мой!»,

«Моди мнахе» (Зайди, увидишь!),

«Сам пришел» и множество, множество других.

Эти духаны, по своей значимости в художественной жизни города, отнюдь не уступали знаменитым парижским кафе на Монмартре.

Завсегдатаями духанов были ныне всемирно известный художник Нико Пиросмани и знаменитый тифлиссский поэт Иетим Гурджи. Один рисовал на стенах, другой писал в духанах свои стихи прямо на клеенках!

Ему, Иетиму Гурджи, будучи в Тифлисе, с вдохновением читал свои стихи Сергей Есенин.

Великого русского композитора Петра Чайковского, когда он гостил в Тифлисе, чествовали в «Белом Духане» и в духане–саде «Ваза».

А поэтические состязания ашуггов, поэтов в этих заведениях!

Вот несколько позабытых имен тифлиссских поэтов и ашуггов, жизнь и творчество которых немислимо представить без духанов: Бечара³⁴, Азира³⁵, Гивишвили³⁶, Скандар–Нова³⁷.

Этот фантастический пласт культуры, к сожалению, постепенно исчез вместе со временем романтиков тех лет.

Огромное значение в жизни города имели различные ремесленные мастерские, в том числе и цирюльни–парикмахерские.

Когда Вагаршак провозглашал тост за труд, людей труда, его иногда с удивлением спрашивали: почему он выбрал профессию цирюльника? И он гордо отвечал:

– А чем она хуже работы, к примеру, дантиста? Как и дантист, я работаю в белом халате, со стерильными инструментами. Дантист лечит зубы, я занимаюсь вопросами гигиены и красоты волос и кожи. Без гигиены – какое лечение?! А поговорить по душам?! А у дантиста какие могут быть разговоры с клиентом, который дрожит от страха и боится открыть рот????!!

Ко мне часто приходят и те, кому нездоровится. Вы посмотрите на них до и после наших процедур!!! А если еще сходить сразу в серную баню, где над вами поработает кисачи, и пропустить после этого стаканчик вина – вы будете чувствовать себя как огурчик!!!

Кто сможет обойтись без нас, Мастеров Красоты!

Батумские экзамены

Однажды, заведующий парикмахерской Коцоян предложил Вагаршаку и уста Баграту заманчивую поездку в Батум.

– То–о! Представляете – из всех варпетов Тифлиса только меня пригласили в Батум принять участие в комиссии по отбору молодых мастеров! Дзер цавт танэм³⁸ – давайте поедem вместе! Там нас ждут, не дождутся шашлычки с вином и все прочее. Это я беру на себя! – уговаривал он друзей, в радужных красках описывая поездку.

Друзья, несколько удивленные щедростью прижимистого Коцояна, с удовольствием согласились.

Вскоре они приехали в Батум.

Разместились в доме знакомых Коцояна.

Дом был с садом и хлевом, где хозяин держал корову и нескольких коз. Гостей разместили в небольшом флигеле во дворе. Все было чудно: днем они присутствовали на экзаменах батумских «фигаро», а вечерами Вагаршак и Багра́т с нетерпением ждали обещанного застолья.

Проходил день, другой..., а шашлычками и не пахло. Утром и вечером хозяева дома усердно угощали их свеженадоенным молоком, сыром, домашним маслом...

Так прошла неделя.

Приближалось время отъезда, и нервы уста Багра́та сдали:

– То, анаствац!³⁹ Где твое обещанное вино и шашлычки??! – поперхнувшись от очередной порции парного молока, набросился он на Коцюяна.

– Ва–а–а! Как ты не понимаешь, то–о–о?! Наконец мы вырвались в дачное место: море, чистый воздух, парное молоко! Сам бог велел перейти здесь на диету! А вино нас ждет, не дождется, в Тифлисе! Там на диету не сядешь... – с затаенной грустью выкрутился Коцюян.

В ту же ночь, когда друзья улеглись спать, послышался шорох и веселое посвистывание. Коцюян и уста Багра́т подняли головы с подушек и включили свет. Они застали Вагаршака, натягивающего на себя брюки.

– Ва–то! Тутуц хо чэс!⁴⁰ Куда это ты посреди ночи?! – в один голос удивленно вскрикнули они.

– Как, куда?! Раз мы решили перейти на эту клиавскую⁴¹ диету, то зачем ждать утра! Пойду в хлев сейчас же, и буду пить молоко прямо из вымени коровы! – с серьезным выражением произнес Вагаршак, а затем, пританцовывая, запел:

*«От Батума до Севана всю страну прошел,
Друга лучше Коцюяна в мире не нашел!»*

*И теперь с уста Багра́том мы не пьем вина:
Лишь мацони и сулгуни – вот и все дела!»*

Коцюян и уста Багра́т на миг оторопели, но затем уже долго не могли сдерживать смеха, продолжая импровизацию на эту комичную ситуацию, а заведующий Коцюян на следующий день все же выполнил свое обещание.

В застольном откровении Коцюян признался о причине своего странного поведения. Оказалось, что недавно врачи посоветовали ему временно воздержаться от вина и табака, больше бывать на чистом воздухе. Попробуй в Тифлисе выполнить эти бесчеловечные советы, в особенности первые два пункта!!!

Тут очень кстати поступило приглашение из Батума. Коцюян решил убить двух зайцев: и принять лестное предложение, и на короткое время выполнить предписанный врачами моцион.

А друзей он пригласил в надежде разгрузить себя в делах этой комиссии и дольше гулять у моря, вдыхая целительный морской воздух.

Вернулись они в Тифлис лишь через неделю после окончания батумских экзаменов: довольные и отдохнувшие...

Чтобы домашние не беспокоились, уста Багра́т – большой поклонник папирос «Казбек» – предупредительно послал в Тифлис короткую депешу, где значилось всего одно слово:

«Казбек».

Это, как аббревиатура в интерпретации уста Багра́та, значило:

«Курорте атдыхал загнал брюки еду кальсонах»

Что, естественно, означало:

«Не беспокойтесь Все в порядке Кутим но скоро будем»

ВОЙНА

Еще много веселого и грустного происходило с молодым человеком в то время – всего не рассказать, но вскоре Вагаршака призвали в Красную Армию. Восемь лет ступал он тропами войны – от Халхин-Гола до окончания Великой Отечественной. Все эти годы непоколебимо верил в победу. Его любили и солдаты, с которыми он делился, чем можно поделиться на фронте, и командиры.

В критические для страны дни, в самом начале войны, он вступил в ряды компартии и остался ей верен до конца.

Судьба его пощадила – он дождался Победной весны. Встретил ее в Днепропетровске.

В городе еще действовал комендантский час – после 22:00 на улице можно было находиться только при наличии спецпропусков, в том числе и военнослужащим.

У Вагаршака имелся такой пропуск, когда поздним вечером его остановил патруль.

В это время из радиорупора слышалась песня. Транслировали арию Ануш из знаменитой одноименной оперы...

Вагаршак зачарованно слушал мелодию. На глазах его были слезы.

– Почему плачешь, солдат? – удивленно спросили патрульные, возвращая ему документы.

– Послушайте!... Это же мелодии моей земли!...

И это был не сон.

Приближалась долгожданная встреча. Встреча с любимым городом – Тифлисом–Тбилиси, где его с нетерпением ждали родные и близкие. Встреча с новой, уже совсем иной жизнью.

АРМЕНИЯ

Лори

Когда началась Великая Отечественная война, Геворку, старшему из сыновей Ерема Агваняна, не было и семнадцати лет. Но он рвался на фронт. Геворк был очень красивым, смелым парнем, в свои семнадцать он стал лидером не только среди своих сверстников, но и ребят постарше.

С несколькими близкими друзьями ему удалось добровольцем попасть на фронт.

По юношеской дерзости и наивности он не сомневался, что сможет лично дойти до самого Гитлера и расправиться со злодеем!

– «Я обязательно вернусь, и вернусь только с Победой!», – писал он родным и любимой девушке в одном из последних писем...

Вернуться ему, увы, не было суждено, – он героически погиб в неравном бою в начале войны...

Забрали на фронт и мужа Мани, Ерванда. Его тоже настигла вражеская пуля...

Тяжело было всем, но люди не сомневались, что враг будет сломлен, и сделают это они, советский народ, во главе со своим вождем Сталином.

«За Родину! За Сталина!», – с таким кличем и непоколебимой верой в победу шли в бой и побеждали, погибая...

Не могли не победить...

В доме овдовевшей уже к началу войны Устиан остались Вардуш и сыновья. Маня, потеряв дочку и отправив мужа на фронт, стала для младших детей второй мамой.

И дети не подводили. Мальчики хорошо учились в школе. Агван был одарен отличным голосом, любил петь, музицировать, мечтал об актерской профессии.

Арег – не по возрасту собранный и серьезный – вынашивал честолюбивые планы на будущее.

Размик, очень смывленный и способный в учебе, был к тому же большой озорник и драчун, ему очень хотелось в отсутствие старшего брата Геворка походить на него во всем, и посему нередко попадал в различные переделки.

Однажды соседский парень хвастливо предложил Размику помериться силами. Размик был физически сильнее его и неохотно согласился на единоборство – вокруг стояли дворовые ребята, и отказаться значило струсить. Однако ему не хотелось и поражения приятеля. Он шепнул на ухо этому парню, что не собирается класть его на лопатки. Но соперник, воспользовавшись расслабленным состоянием партнера, резко применил выученный недавно от него же прием.

Размик под свист болельщиков был повержен.

В бешенстве вскочил он и кинулся к противнику, чтобы показать кто есть кто на самом деле. Противник, испугавшись продолжения схватки, подобрал валявшийся рядом длинный ветвистый сук и стал им защищаться от нападавшего, который никак не мог к нему подступиться.

Страсти разгорелись не на шутку. Размик, доведенный до исступления, вдруг прекратил атаку и бросился в сторону дома.

В это время Устиан чистила во дворе картошку, по привычке собирая кожуру в подвязанный к платью широкий фартук.

Размик, пробегая мимо матери, заметил кухонный нож в ее руках, выхватил его и снова бросился на поле брани.

Устиан, мигом оценив ситуацию, прихватила в руки полы фартука с кожурой и кинулась за сыном. Она успела заметить, что к месту происшествия спешат и патрульные, дежурившие у железнодорожных путей. Сыну с холодным оружием в руках грозила нешуточная опасность – времена были очень строгие.

Размик пытался достать противника ножом. Тот продолжал отбиваться спасительным суком. К счастью, ему удалось выбить нож из руки атакующего. Размик кинулся его подбирать, но Устиан опередила сына и в мгновение отпустила полы фартука. Нож исчез под картофельной кожурой.

Тут подоспели патрульные и разняли соперников.

Орудия преступления они не увидели, – материнское чутье за доли секунды приняло единственно верное решение! Инцидент был исчерпан.

ТБИЛИСИ

Середина двадцатого века

После разгрома фашизма начиналась новая жизнь. Даже птички щебетали веселее, листва казалась зеленее, лазурь неба – прозрачней, люди – добрее и сильнее...

И, конечно, Тифлис, переименованный еще до войны в Тбилиси, был так же прекрасен. Город этот, видевший на своем долгом веку множество варварских нашествий, будучи временами сравненным с землей, воскресал, как птица Феникс. Но на сей раз, несмотря на мировое пожарище, остался недосыгаем врагу. Говорят, лишь две шальные бомбы свалились на город, не нанеся ему серьезного ущерба.

Но и тифлисы–тбилисы вынесли на себе все бремя кровопролитной войны, дав тысячи жертв и тысячи героев...

Улица Пушкинская № 19

Вагаршак, вернувшись с фронта, окунулся в привычные ритмы родного города. Но наступил мир, и надо было переключаться в это, гораздо естественное для нормального человека состояние, чем война...

Он вернулся к своей профессии и стал серьезно думать о своем будущем.

За эти годы Зарик и Теда, закончив школу, получили и высшее образование. Они были не только красивы, привлекательны, но отличались добротой и умом. У них было немало поклонников, однако серьезных шагов к созданию собственной семьи не намечалось – во многом помешала этому, конечно, и война.

Родители переживали за судьбу дочерей, им хотелось иметь внуков, в особенности Арсену.

Вся надежда была на Вагаршака, и он незамедлительно приступил к конкретным действиям.

Действия его начались с пристройки к уже имеющимся двум комнатам третьей, чтобы никого не стеснить, когда настанет время привести в дом молодую невесту.

Весь двор помогал ему в этой стройке. И не только двор, но и друзья по городу, в том числе и многие из оставшихся в живых мушей, которым он некогда бесплатно сбрасывал бороды. Каждый приносил по балке, по гвоздю, по кирпичику, и очень скоро комнатка была готова. Вещи и предметы мебели, по принятым обычаям, были новые, – купленные в магазинах или сделанные на заказ умелыми местными мастерами.

Теперь в доме вместо двух стало три комнаты, отделенные кухней, плюс – балкон и сам двор, что были неотъемлемой частью тифлисского быта.

Настала первая послевоенная весна. Она была особо хороша и щедра...

– Что-то Анэт задерживается, – наверное, опять зашла проводить своего дядю Арамаиса, – подумал Арсен, отложив в сторону газету «Зангезур». Он был единственным подписчиком этой газеты в Тбилиси, читал ее от корки до корки по несколько раз.

К Арамаису Абовяну, жившему с семьей в собственном доме в Сололаке, часто заходили гости посудачить, попить чаю. В прошлый раз Анэт встретила там Ксению Приклонскую, у которой трагически погиб муж⁴², а дочь Нами удочерили сестра мужа Нина с супругом, Гришей Арутиновым⁴³.

– Арутинов сейчас самый главный человек в Армении. Его назначил первым секретарем сам Сталин!

Так вот, Ксения рассказывала, что Нами⁴⁴, будучи в Москве, очень приглянулась сыну Анастаса Микояна Алексею, и что он серьезно увлекся ею, даже решил жениться на ней!

Вскоре послышались знакомые шаги на балконе, и комната наполнилась душистым ароматом.

Это была Анэт с огромным букетом белой сирени.

– Где ты так долго?! Наверное, опять у Арамаиса засиделась? Скоро придут девочки с работы, да и я слегка проголодался.

– Арсен-джан, я все успею, а заодно расскажу, где была. Мне кажется, что моя прогулка может оказаться судьбоносной для нас, в особенности для Вагаршака.

– Тогда рассказывай, не тяни! Я потерплю с обедом! – выпалил Арсен, видя радость в глазах жены.

– Так вот, сегодня я решила навестить Авака и Сиран.

У Авака гостила родственница, Вардуш, которая только что окончила школу. Родом она, как и я, из Лори.

Как приглянулась мне эта красивая девушка: белокожая, со светлыми, добрыми глазами, веселая, энергичная, хозяйственная!

Ты не представляешь, с каким уважением она встретила меня, а при уходе нарвала для нас из палисадника вот этот букет сирени!

Арсен-джан, чуется мое сердце, – лучшей девушки Вагаршаку не найти! Вам надо сходить и увидеть ее! – на одном дыхании выпалила радостная Анэт.

На следующий день Арсен и Вагаршак, прихватив бутылку вина, поднимались в Сололак, в гости к Аваку Меликсетяну.

Со стороны, могло показаться, что они куда-то очень спешат.

Арсен, как всегда аккуратно одетый, в амкарской кепке, в тщательночищенных ботинках, блузе, обтянутой широким кожаным ремнем, имел привычку ходить широким шагом, заложив одну руку за пояс. Несмотря на почтенный возраст и появившуюся сутулость, он старался ходить прямо, с достоинством.

Вагаршак не отставал от него: ходил быстро, живо реагируя на все происходящее вокруг.

Встретили их радушно.

Арсен редко ходил по гостям, – обычно знакомые и родственники приходили к нему в дом, – на то было много причин, в том числе сама Пушкинская улица, где перекрещивались многие маршруты горожан.

Сиран накрывала на стол. Ей бойко помогали молоденькая Вардуш с дочерью хозяев Эммой, сопровождая свои действия веселыми шутками.

Вагаршак, зачарованный, не мог оторвать глаз от Вардуш, и почему-то не снимал кепку, которую носил не столь следуя моде тех лет, а чтобы прикрыть раннее выпадение волос, хотя это его и не особо смущало. Но, в этот день...

Все это не могло остаться незамеченным от зоркого глаза Авака, который, продолжая что-то шить (он тоже занимался портняжничеством и представить его без иголки и нитки было невозможно), беседовал, и с хитринкой, поверх очков, наблюдал за Вагаршаком...

В момент этих разговоров произошел неожиданный конфуз. Эмма, шустрая дочка Авака, быстро поняв истинную причину прихода гостей и решив подшутить над нервно ерзающим кандидатом в

женихи, подбежала к нему, схватила с его головы спасительную кепку и выбежала во двор!

Вагаршак давно не испытывал такого смущения. Приглаживая жиденькие волосики, он сделал вид, что принял шутку. Выручила Вардуш, уверив гостя, что без кепки он выглядит гораздо моложе...

По дороге домой Вагаршак, не утерпев, спросил:

– Даи, как тебе понравилась девушка, что гостит у Авака?

Отношение его самого было ясно, как божий день.

– Понравилась. Если ты приведешь ее в дом невестой, ей легко будет найти общий язык и с Анэт, и с девочками. Ты слышал, что она завтра возвращается в Садахло?! Надо немедленно съездить туда и решить этот вопрос – такая красавица дома долго не засидится!

Вагаршак сиял от счастья.

На берегу Дебеда

Дня через два Арсен, Вагаршак, Анэт и ее сестра Варсеник сошли с пригородного поезда на станции Садахло. Это был последний пункт, где название значилось на грузинском языке, дальше начиналась Армения.

Дом Агванянов находился метрах в пятидесяти от станции.

Но прежде чем войти в дом, Арсен и Вагаршак воспользовались услугами станционного чистильщика. Он до блеска начистил ботинки Арсена и кирзовые сапоги Вагаршака, в которых он еще продолжал щеголять, заправив в них брюки фасона «галифе».

Чистильщик ловко справился с ботинками Арсена, удивляясь огромному размеру его ноги. Кирзу Вагаршака он полировал с особым рвением, с интересом поглядывая на бравого молодого человека.

Вагаршак был счастлив и горд. Он рассказывал чистильщику о войне, о Тбилиси.

Местные ребятишки, с любопытством обступившие их, с восхищением слушали рассказы воина-победителя.

Анэт и Варсеник, отделившись от мужчин, гуляли по перрону.

Арсен же, закончив с чисткой своих ботинок, заметил невдалеке от перрона бочковое разливное пиво. Больше всего из всех напитков он любил пиво. Особенно летом. А день, несмотря на апрель, выдался жаркий.

Подойдя к разливщику, он тихо попросил налить ему сразу пять кружек.

Продавец пива, посмотрев по сторонам, с подкупающей наивностью спросил:

– С удовольствием, дорогой! Но, где тара??... Дайте тару...

– Ты наливай, наливай, не тяни!

– А тара?... – уже с некоторой опаской переспросил продавец.

– Вот она, тара!!! – громко разъяснил Арсен, хлопнув себя по животу.
– Наливай!

Наконец, когда и с ботинками и с пивом было покончено, один из мальчишек, все это время с любопытством крутившийся вокруг забавных гостей из города, проводил их к дому, куда они направлялись. Мальчишка этот, Размик, оказался братом Вардуш. Он был уже зачарован рассказами Вагаршака и не отходил от него ни на шаг.

Гости и хозяева сразу приглянулись друг другу и быстро нашли общий язык.

Согласие относительно цели приезда было получено, а затем началось обычное кавказское застолье. Особенно были в ударе Вагаршак и

Вардуш, которая, осмелев, весь вечер пела дуэтом народные армянские песни со своим неожиданным женихом.

В роли тамады выступал дорожный мастер Мисак, авторитет среди местного станционного круга. Помогал ему мастер Бадал, близкий семье Агванянов человек.

Устиан, все такая же красивая, как в молодые годы, сидела, как ханум, радуясь хорошей партии для дочери.

Действительно, дочь будет жить в самом центре любимого ею города, в уважаемой семье. Да и жених вроде подходящий, правда, не вышел ростом, без волос на голове, к тому же немного старше, чем хотелось бы..., но зато с юмором, энергичный, самостоятельный мужчина, который сможет достойно содержать семью, – а не это ли главное?!

Застолье к вечеру продолжилось веселой и шумной прогулкой у берега еще более игривого от весеннего половодья Дебета.

Только к ночи гостей разместили на отдых, – на утро им надо было возвращаться в Тбилиси.

Вагаршак никак не мог уснуть, он был по-настоящему счастлив.

За перегородкой разместились Анэт и Варсеник. Они о чем-то долго шептались. Вагаршак понял, что речь идет о нем, и прислушался.

– Анэт-джан, тебе не кажется, что наш парень слишком воодушевлен и не может скрыть своих чувств? Зачем он пытается тягаться в выпивке с Мисаком и Бадалом, которым это как с гуся вода?! Может, они его специально спаивают, чтобы проверить на стойкость, – ты же знаешь, у лорийцев есть такие причуды.

– Волноваться пэтк чи⁴⁵, Варсеник-джан. Ты заметила, какие это приличные люди, а главное, как сразу спелись молодые! Так вот, думаю, зачем тянуть время? Не лучше ли завтра же забрать Вардуш в Тифлис? Придумать причину и увести с собой, и там, на месте, все организовать к свадьбе. Как тебе кажется, Варсеник?

Услышав такое, сердце у Вагаршака забилося еще сильнее. Он был очень благодарен Анэт за эту мысль и уже не сомневался, что увезет завтра же с собой свою избранницу.

На следующее утро после утреннего завтрака гости собрались в обратный путь. Напоследок еще раз стали координировать действия относительно предсвадебных процедур. Неожиданно, жених предложил:

– А зачем понапрасну тянуть время! Пусть Вардуш поедет с нами и остановится у Авака и Сиран. Нам ведь надо к свадьбе заказать для нее новое платье, лакированные туфли. Все это мы и сможем начать прямо с завтрашнего утра!

Хозяева замешкались. Но невеста с радостью приняла предложение – ей вдруг очень захотелось сейчас же поехать с гостями в Тбилиси!

Никто не ожидал такого поворота событий. Арсен украдкой посмотрел на Анэт и Варсеник, но те, как ни странно, одобрительно улыбались.

Вокруг старого унаби

В самом начале мая на улице Пушкинской № 19 праздновали свадьбу Вагаршака и Вардуш, а над Эриванской площадью кружили запущенные из дворовой голубятни белые голуби.

Совпало это с первым послевоенным Днем Победы. По всей великой стране не умолкали праздничные салюты. И с вершины Мтацминды гремели победные залпы, сверкая и осыпаясь над Тбилиси гирляндами разноцветных мирных огней.

Пусть читатель сам представит это событие.

* * *

Жизнь дворика снова забила ключом. Мужчины, вернувшись с войны, стали обзаводиться семьями.

Гагик, сын папаши Аршака, вернулся с войны не один, а с красавицей женой, Лелей Артюх–Огинской.

Затем – Вагаршак и Вардуш.

Добрейший, тишайший повар – Серго Метревели привел в дом брызжущую энергией Нору.

Смбат Ростомич Петросян, бывалый жизнелюб, активный поборник коммунистической партии, женился на молоденькой Розе.

Скрипач, солист консерватории, колоритнейший Шура Нейман – на Марусе.

Красавец–мужчина, модельер–сапожник Рубик – на Женик.

Тощий, длиннющий инженер Агуся Капелевич – на контрастирующей ему по росту, но очень симпатичной Флоре...

Вскоре появились и плоды этих союзов, и дворик вновь наполнялся детскими голосками.

У Шуры Нейман и Маруси родилась дочь Таисия.

У Капелевич – девочка по имени Нона.

Затем у Гагика и Лели родился мальчик – Роберт или, как его все стали звать, Робик. Через несколько лет родился его братик – Рафик.

У Метревели – дочурка, Дали.

У Петросянов – сыновья: Гагик, Валерик, Эдик.

У Рубика и Женик – девочки: Анжела, Света, Маретта.

У Каменских – Жора и Люба...

Вардуш была на сносях. Ей очень хотелось иметь девочку, она даже заготавливала тайком от домочадцев различные ленточки, бантики и все прочее для малютки.

Но более всего ждал этого события, казалось, Арсен Аваков.

Ему не терпелось увидеть внука, именно внука, мальчика, первого своего внука! Он уже и имя ему подобрал, и тоже готовился к его рождению, – заказал знакомому мастеру–деревишке добротную

красивую люльку, что-то шил для малыша, что-то припасал, с надеждой моля Бога исполнения этого желания.

Под знаком Водолея

В один из дней февраля в дом ворвалась радость – Вардуш родила на свет мальчика!!!

Этим мальчиком оказался я...

Легкий февральский снежок кружил над Тбилиси. Не только склоны горы Святого Давида – Мтацминды – и Сололакского хребта, но и крыши домов, верхушки деревьев, вечнозеленых елочек в скверах, сверкали в белизне мягких, пушистых снежинок.

Город, казалось, еще более просветлел, стал моложе и игривее...

А в домах было тепло и уютно. В железных или стальных печках, что были широко используемы в послевоенном Тифлисе–Тбилиси, потрескивали в языках пламени заготовленные на зиму дровишки.

В доме Арсена Авакова в этот день было особо тепло и торжественно, – собирались к купанию родившегося мальчика.

Наконец, все было готово к этому священнодействию – первому купанию. Все домочадцы участвовали в этом событии, но верховодила, конечно, Анэт. Она держала малыша в широком тазу, проверяла и, при надобности, разбавляла прокипяченную на печке воду прежде, чем обмыть ею ребенка, проделывая какие-то только ей известные манипуляции с его крохотным тельцем.

Арсен с нетерпением дожидался конца процедуры у себя в комнате. Он попросил окликнуть его, как только закончат с купанием.

С рождением малыша Арсена будто подменили и он не скрывал своей радости:

– У Вагаршака родился сын, продолжатель рода! И этот малыш будет называть его, Арсена Авакова, дедом! Он постарается сделать все возможное для своего внука. А для этого надо жить как можно дольше, чтобы осуществить эти желания, одним из которых было дожить до поры, когда он сможет пойти с внуком в настоящую тифлисскую баню! А пока, когда пройдет зима, и мальчик станет крепче, он будет крестить внука по всем канонам, с омовением в купели церкви Сурб Геворка, и сам же будет ему крестным.

Думы уносят его далеко, далеко.

– Эй гиди, молодость! – произнес вслух Арсен Вартанович.

Но, тут же, с улыбкой вспоминает один из эпизодов из этой самой молодости, когда его только-только призвали в царскую армию.

Всех новобранцев, выкупав в бане и нарядив в положенную форму, собрали на плаце, чтобы провести первые ознакомительные занятия–проверки.

Одна из проверок на физическую подготовку заключалась в прыжке через гимнастического «козла».

Рядовой Арсен Аваков, дожидаясь своей очереди, внимательно следил за прыгунами, – ему впервые приходилось видеть такое упражнение. Молодые рекруты славянской наружности подбегали к «козлу» и с выкриком: «Гоп!» – лихо перескакивали через него.

Когда подошел черед Арсена, он тоже сильно разбежался, и, во всю мощь крикнув «Гоп!», – уперся в «козла» руками...

Прыжок не получился!

Тут как тут к нему подскочил разъяренный командир:

– Аваков!!! ... твою мать!!! Сначала прыгни, потом кричи «Гоп!». Понял!!!!

Он любил пересказывать этот жизненный урок, не забывая полностью воспроизвести и смачную фразу командира. Это был один из единичных случаев, когда с его уст срывалось какое-либо сквернословие.

Арсен часто вспоминал время своей службы в русской армии. Он высоко ценил русского солдата и рассказывал, как турки боялись русских. Учув еще издалека казацки кавалерийские отряды, они бросались наутек. А лихие казаки, с характерным свистом и выкриками «Русская шашка – турецкая башка!» – гнали их, как гончие свою жертву.

– Арсен–джан, мы закончили!

Услышав голос Анэт, он, надев очки и перекинув через плечо портняжный сантиметр, по-молодецки замаршировал к малышу. Бархатистая, чуть порозовевшая кожа малыша дышала чистотой и невинностью.

Арсен с нежностью поцеловал внука.

Затем, на удивление присутствующим, стал измерять то самое, что делает мальчика мальчиком!

Проделав это и с удовлетворением записав что-то на листке бумаги, удалился в свою комнату...

И так повторялось при каждом купании...

Проходили дни, месяцы...

Малыш постепенно крепчал. Но было одно обстоятельство, вызывающее беспокойство – он не любил, когда его туго пеленали, и посему часто, вроде безо всякого повода, громко плакал... Домочадцы не знали, что и делать. Детские врачи не находили никакой объективной причины, прописывали хлористый кальций, бром, от которых маленький пациент, морщась, кричал еще громче...

Вардуш, временами, приходила в отчаяние.

Однажды одна из близких родственниц дала ей дельный совет: сцеживать грудное молоко и добавлять туда по несколько капель коньяка...

И вот, как-то, когда малыш никак не унимался, Вардуш вспомнила этот совет и решила попробовать.

Дома никого не было, кроме Арсена, занятого своей работой в дальней комнате.

Мама достала из буфета початую бутылку армянского коньяка и, немножечко накапав его в сцеженное грудное молоко, дала попробовать малышу. Тот выпил, не морщась. И погрузился в глубокий сон...

В доме наступила непривычная тишина, прерываемая лишь звуком швейной машины «Зингер»...

Вардуш, довольная достигнутым эффектом, занялась приготовлением обеда. Сделав все дела, она взглянула в сторону люльки.

Мальчик крепко спал.

Прошло еще время, – малыш обычно в эти часы бодрствовал.

Но сейчас он продолжал спать.

Вардуш забеспокоилась и решила распеленать. На эту процедуру мальчик всегда бурно реагировал, выказывая свое удовольствие. Но теперь – никакой реакции.

Вардуш стала тихонько тереть ребенка, затем шлепать его. Безрезультатно...

Молодая мама не на шутку перепугалась. Хотела позвать на помощь Арсена, но от этой мысли ей стало еще хуже. Прикрыв лицо ладонями, она зарыдала.

Все остальные ее действия были инстинктивны: она быстро вновь запеленала ребенка, выскочила с ним из дома, перешла улицу и оказалась в пушкинском скверике.

Здесь, у небольшого фонтана, она кружила по кругу, плача и встряхивая своего мальчика...

Сколько это продлилось, она не помнила. Вдруг, к ее счастью, малыш открыл глазки и спокойно взглянул в залитое слезами лицо матери... Этот злополучный опыт молодая мамаша, конечно, больше никогда не повторяла и запомнила на всю жизнь. Мальчик же не мог его запомнить. Он рос, произносил первые слова, постепенно переставая беспричинно плакать...

Но вскоре малышу пришлось пройти еще одно испытание. Он уже бойко лепетал, выговаривал слова. Настала пора и на ноги встать, а не ползать на четвереньках! Была зима – вторая по счету для Гиги – так, оказывается, я называл себя на первых порах.

В доме было тепло, горела, потрескивая, железная печка. Гиги сидел на мягкой постилке на полу и забавлялся игрушками. Вардуш, весело напевая, убирала комнату, не спуская с него глаз. Вдруг, мальчик встал и спокойно, придерживаясь за стул, сделал свои первые шаги!

Вардуш, от радости и изумления, застыла на месте. Но ненадолго.

Гиги стремительно рванулся вперед и, ища опору, нашел ее в раскаленной железной печке...

Почувствовав сильную боль, он инстинктивно отпрянул назад...

Стремительный рывок матери отчасти предотвратил страшные последствия. Тем не менее, нежные детские ладони не на шутку обожглись.

Благодаря скорой врачебной помощи все обошлось.

Не запомнил Гиги и этот случай...

Рождество

А Вагаршак и Вардуш снова находились в ожидании второго ребенка.

Все хотели, чтобы родилась девочка, сестричка маленькому Гиги.

Только Арсен вновь желал внука. Если родится девочка, тоже хорошо, никакой разницы. Но лучше, если мальчик...

Когда роженицу отвезли в роддом, Арсен попросил: если родится мальчик – срочно уведомить его по телефону на работу (он еще продолжал работать в аптеке на Сололаке), а если девочка, то можно сообщить и дома, за обедом...

На радость всем, в том числе узнавшем об этом за обедом Арсену Авакову, на свет родилась моя сестричка, Аня...

На сей раз город блестел в снежном декабрьском пушке.

Маленькому Гиги сказали, что у него скоро будет живая кукла. И он поверил, ему еще не было и двух лет.

Когда Анечку привели в дом и позвали Гиги взглянуть на нее, он на самом деле увидел туго запеленатую живую куколку.

Открытым было только кругленькое, пухленькое личико, а на нем две большие, черненькие, выразительные глазенки, радостно движущиеся из стороны в сторону.

Гиги очень захотелось дотронуться до этих озорных глазок, и он успел это сделать.

Но мама оттащила его от малышки, думая, что она вот-вот заплачет.

Однако малышка, к удивлению, широко улыбнулась и тут же спокойно погрузилась в долгий и спокойный сон.

Гиги с нескрываемым интересом поглядывал на люльку с живой куколкой, и приговаривал: «Зизи–зизи! Зизи–зизи!»⁴⁶...

Декабрьский снежок за окном прекратился, и весело выглянуло солнышко.

Впереди всех ожидала оттепель, а Гиги с Аней – теплое, счастливейшее детство...

У них еще было много времени, чтобы решить: по какой же реке им плыть к Дому?

Постскриптум

На склоне лет Вагаршак, переезжая с семьей в родную Армению, на перроне тбилисского вокзала, в окружении провожавших друзей, с бокалом, наполненным вином, обращаясь к любимому Городу, с грустью в глазах произнес:

*Прощай, прощай, ты мой Тифлис!
Прощай зурна, прощай дудук,
Вином красным полный бурдюк!*

*Прощай, чемо шумный Майдан
И Авлабар – вкусный, сладкий!
Серни бани и кисачи! –
Прощай, прощай, ты мой Тифлис!*

*Прощай, чемо Сирачхана –
Ах, Тамара – душа моя!
Сололаки! Ортачала! –
Прощай, прощай, ты мой Тифлис!!!*

Примечания

- 1 Зангезур (Сюник ашхар) – историко-географический район на юге Армении.
- 2 Воротан – река в Зангезуре. На армянском означает – «Громовая река».
- 3 Трех – бедняцкая обувь, сшитая из кожи домашних животных.
- 4 Лори (Гугарац ашхар) – историко-географический район в северной части Армении.
- 5 Одзунский монастырь – древний монастырь Пресвятой Богородицы в селе Одзун.
- 6 Исразль Ори – известный деятель армянского национально-освободительного движения в 17 веке. Выходец из сюникских Меликов.
- 7 Давид Бэк – выдающийся армянский полководец 18 века, успешно оборонявший Зангезур от турков.
- 8 «Мосин» – название системы ружей, состоящих на вооружении русской армии более полувека. Конструктор этого оружия – генерал-майор Сергей Иванович Мосин (1849–1902 гг.).
- 9 Карпет – армянский коврик, вытканый вручную.
- 10 Мутака – круглая подушечка-валик, принятая на Кавказе.
- 11 Пушкинская улица. В одном из домов в районе этой улицы останавливался А. Пушкин в свой приезд в Тифлис. В его честь и была позже названа эта улица, сохранившая по сей день свое название. Здесь же, в скверике, в конце девятнадцатого века установлен и уцелел до наших времен бронзовый бюст поэта. Скульптор Р. Хударович. Он же автор бюста Николаю Васильевичу Гоголю на Головинском проспекте. Ныне, этот бюст Гоголя заменен бюстом Анатолия Собчака.
- 12 Анастас Иванович Микоян (1895–1978). Один из первых лиц и «политических долгожителей» СССР, член Политбюро. Председатель Верховного Совета СССР.
- 13 Артем Иванович Микоян (1905–1970). Всемирно известный советский авиаконструктор, академик, генерал-полковник, дважды Герой Социалистического труда, руководитель конструкторского бюро, создавшего первые советские реактивные и сверхзвуковые истребители.
- 14 Амкарство – так назывались в Тифлисе профессиональные ремесленные объединения со своим уставом и канонами.

- 15 Сололак – респектабельный район Тифлиса.
- 16 Соломоновская улица. В советский период – ул. им. революционера А. Желябова. Ныне – ул. Александра Дюма.
- 17 Площадь Паскевича–Эриванского, Эриванская площадь, площадь Закфедерации, площадь им Берии, площадь Ленина. Ныне – площадь Свободы.
- 18 Армянский базар или Шуа базари (груз.) – так называли улицу Леселидзе с сетью прилегающих к нему улочек – главную артерию торгово–ремесленного центра Тифлиса.
- 19 Майдан – Татарский майдан. Ныне – площадь Вахтанга Горгасала.
- 20 Мирзоевская баня – одна из старых бань на Майдане.
- 21 Хауз – небольшой бассейн в тифлиских банях.
- 22 Кисачи (арм.), мекисе (груз.) – терщик в тифлисской бане.
- 23 Салам! – приветствие (тюркс.).
- 24 Мугам – грустная восточная мелодия с характерным исполнением.
- 25 Яхши! – Хорошо! (тюркс.).
- 26 Чох сагол! – Молодец! (тюркс.).
- 27 Астцу барэв, цавт танем! (арм.) – почтенный ответ на приветствие.
- 28 Базар на Колхозной площади (ныне – площадь Орбелиани) назывался «Солдатским» потому, что по воскресным дням здесь торговали, кроме прочего, и бытовыми изделиями, изготовленными солдатами из местного гарнизона. В настоящее время все тбилисские базары закрыты, – их место заняли супермаркеты...
- 29 Лацирак – пацан.
- 30 Унаби – китайский финик. Зизифус (лат.). Растет в жарком и сухом климате, в том числе встречается и в Южном Кавказе. Плоды имеют множество целебных свойств. Дерево живет около ста лет, в редких случаях и триста лет. Занесено в Красную книгу.
- 31 Головинский проспект – ныне проспект Руставели.
- 32 Татевский монастырь – древний монастырь в Зангезуре.
- 33 В классе профессора московской консерватории Асатура Григорьевича Григоряна обучались не только скрипачи со всех республик Союза, но и многие зарубежные музыканты. Созданный им «Сборник гамм» стал ныне хрестоматией для скрипачей.
- 34 Бечара («Обойденный судьбой») – Василий Аветович Бериашвили, популярный тифлисский поэт.
- 35 Азира – Абрам Абрамишвили (Абрамян) популярный тифлисский ашуг.

- 36 Гивишвили – популярный тифлисский ашуг.
- 37 Скандар–Нова – Георгий Иванович Скандарян, популярный тифлисский ашуг.
- 38 Дзер цав танэм – Возьму вашу боль (арм.).
- 39 Анаствац (арм.) – безбожник.
- 40 Тутуц – легкомысленный позер, показушник.
- 41 Клиав – позорный фраерок.
- 42 Арташес Геурков – Был первым секретарем Аджарии. Затем его перевели на работу в Тбилиси. Застрелился в 1937 году, не выдержав травли Берии его окружения.
- 43 Гриша Арутинов (Григорий Артемьевич Арутюнян) – С 1937 по 1953 гг. первый секретарь компартии Армении.
- 44 Нами Артъемевна (Арташесовна) Микоян – дочь Ксении Приклонской и Арташеса Геуркова. После гибели отца была удочерена тетей – Ниной, и ее мужем – Гришей Арутиновым. Выйдя замуж за сына Анастаса Микояна, Алексея, жила в доме Микоянов, в Кремле. Имеет сына, названного в честь деда Анастасом (известный рок–музыкант Стас Намин) и дочь – Нину, а также внуков (Ксения, Гриша, Артем, Маша). Живет в Москве.
- 45 Пэтк чи – не надо (арм.).
- 46 Зизи (тифлисский диалект) – детская характеристика чего–то хорошего, очень красивого.

Из тифлиских слов и выражений

- 1 Авое! – Типично тифлисский возглас восхищения.
2 Ва-то! – Возглас удивления.
3 Че-то! – Возглас удивления.
4 Че-ми-че!!! – Не может быть!!! Возглас удивления.
5 Чантракулия сакмэ! – Очень плохи дела!
6 Че-то! Мамбо итальяно! – Тифлисский каламбур.
7 Аба дун эс эхел, то! – Во даешь!
8 Торос, Мартирос! – Возглас одобрения и удивления.
9 Торола – Это уж слишком!
10 Сиабанд – Симулянт, сачок.
11 Сиристиан – Слизняк.
12 Клиав (слива, груз.) – Позорный, никчемный фраерок.
13 Тутуц – Легкомысленный позер, показушник.
14 Цанцар – Несерьезный человек, придурок.
15 Кекел – Кривляка, мещанка.
16 Метичара – Кривляка, задавала.
17 Клеса – Гнилая личность.
18 Миди, мовдивар – Иди, я тоже приду.
19 Гавоушви, булочка! – Реплика вслед красивой девушке.
20 Сад мэ, сад Эреклэ?! – Где я, где Геракл?!
21 Где Кура, где мой дом?! – Слова из популярного тифлисского анекдота.
22 До хэла! – Очень много!
23 Мундрик – Плохой человек.
24 Асобено бан чка, валнаватся пэтк чи (тифлисский сленг) – Ничего особенного, не нужно волноваться.
25 Мэр углум калбаси очереда (тифлисский сленг) – На нашем углу очередь за колбасой.
26 Эс автобус прямая гнум, тэ шурагали? (тифлисский сленг) – Этот автобус едет прямо или сворачивает?
27 Глхов пэнала хпум (тифлисский каламбур) – Забивает пенальти головой.
28 Каци хар ту промакашка! – Мужик ты или промокашка?!
29 Сорокккк...!!!! – Часто выкрикиваемое слово из зрительного зала в кинотеатре во время поцелуя героев фильма (означало: чуточку и мне!).

- 30 Миди кочи гаагоре! – Отстань, и лучше сходи, поиграй в кости!
31 Миди Колас миз! – Иди, дай Коле!
32 Ду хом гидэс, вор ес гидэм, вор ду гидэс?! – Ты же знаешь, что я **знаю**,
что ты знаешь?
33 Эй гиди, Абастуман! – Как тут не вспомнить Абастуман?!
34 Апсус, ра радиола ихо! – Жаль! А какая была радиола!
35 Пампула – Простак, пляшущий под чужую дудку.
36 Цак–профэссор – «Дырявая» голова.
37 Сэзони маймун – Одетый не по сезону субъект.
38 Гиж поэт – Чокнутый поэт.
39 Чочи дам! – Обставлю по всем статьям!
40 Шестьсот три (603) – Женщина легкого поведения.
41 Восьмерка!!! – Реплика вслед девушке с очень стройной фигурой.

*Наверняка, и читателю не терпится пополнить этот ряд. Аба, эй!
(В добрый путь!)*

This image shows a single sheet of white paper with horizontal blue or grey ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There is no handwriting or other markings on the paper.

Из личного архива и старых фотоальбомов

Что сохранилось – то и было...

Тифлис. Эриванская площадь. Городская управа. Начало 20 века.

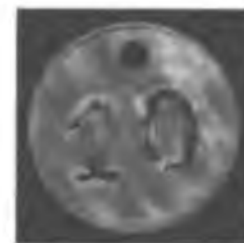
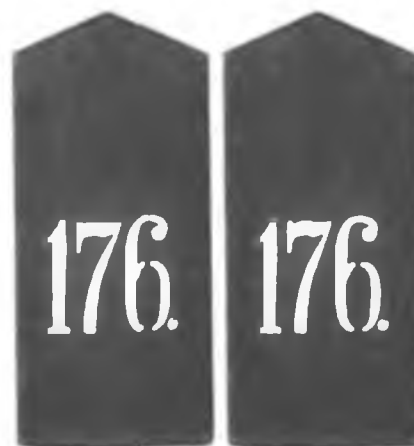
Тифлис. Дом в Сурбкарпетском овраге, где жила семья Лазаря и Вергине Туманян.

Под сенью унаби в цвету
Тифлиссский дворик. Начапо 20 века.

Ашхен Микоян с отцом

Солдатские погоны и солдатский жетон русской царской армии
в период Первой мировой войны

Кабинетное фото. Тифлис

Кабинетное фото в ателье А. А. Туманова у Мухранского моста
Тифлис, 1919 г.

Тифлисские традиционные наряды армянок

Армянка из Лори

Зангезурка Конец 19 века

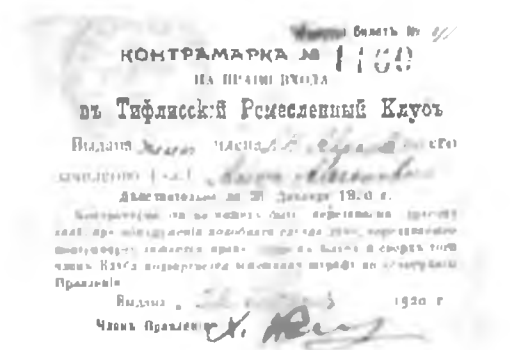
Счет компании «Зингер» о покупке швейной машины. Тифлис. 1918 год.

Аттестат на звание «Мастера по классу европейских портных». Тифлис. 1920 год.

Билет в Тифлисский армянский клуб 1920 год.

Контрамарка на право входа в Тифлисский Ремесленный Клуб 1920 год

Контрамарка на право входа в Тифлисское Собрание, 1920 год.

Портретная визитка. Тифлис.

46-357

ПОЛУЧНО

Fig. 4

Итого

Реклама московской парфюмерной продукции А. Ралле и К. в Тифлисе.

М.К. ВАНЦЯНЦЬ

xx

...вспомогательство по гор. Дне
...ПОЖЕ...
...паспорта или у
...пропуск и передачу его
...и ответственно
...г. Днепропетровск

Тбилиси 50-е годы. Сололак. В гостях у Арамаиса Абовяна
2-ой ряд - справа Нами Микоян. 1-ый ряд крайняя справа Ксения Приклонская,
мама Нами Микоян. Крайняя слева - Анэт Авакова

Об авторе

Григорий АРУТЮНЯН – врач, искусствовед, писатель, член Союза художников и Союза писателей Армении, автор книг:

«Русская икона в Армении»,
«Русский портрет в частном собрании»,
«Вернисаж»,
«Авое, Тифлис!»,
«Страсти бравого Эскулапа»,
«Антиквариум»,
«Отражение луны».

Книги вызвали большой интерес у широкого круга читателей.

Новелла «Вокруг старого унаби» опубликована в сборнике «Песни о Тбилиси в прозе» (Тбилиси, 2010 г.).

«Русская икона в Армении» частями печаталась в санкт-петербургской газете «Всерусм» (2003 г.)

«Вернисаж» напечатан в российском журнале «Хачкар» (2011 г.)

По мотивам книги «Антиквариум» снят фильм «Страсти по Григорию» (реж. А. Ронов), отмеченный на международном фестивале христианского кино «Невский благовест» в Санкт-Петербурге (2010 г.) особым дипломом «За воспевание евангельского славословия».

Г. Арутюнян (с реж. А. Роновым) автор оригинального киносценария «Айтон Чехов», киносценария «Мужик первый» (по мотивам повести Л. Толстого «Холстомер»). Им также написан сценарий по трилогии Евы Бабаляшвили «Городская сказка» (Грузия). Инициатор этого международного проекта – д-р Гера Эльдор (Израиль).

Г. Арутюнян – автор ряда статей об армянских художниках.

Содержание

АРМЕНИЯ	
Зангезур. Начало двадцатого века	5
Аповенц Хечо	5
У берегов Воротана	6
Лори. Начало двадцатого века	8
Одзунский монастырь	8
Красавица из Лорута	11
Под стук колес	14
ГРУЗИЯ	
ТИФЛИС. Начало двадцатого века	16
Баня	21
Тифлисский цирюльник	25
Рядовой Арсен Аваков	30
Папаша Аршак	34
Застолье	36
Мастера Красоты	39
Батумские экзамены	41
ВОЙНА	44
АРМЕНИЯ	
Лори	45
ТБИЛИСИ. Середина двадцатого века	
Улица Пушкинская № 19	47
На берегу Дебеда	51
Вокруг старого унаби	54
Под знаком Водолея	56
Рождество	60
Постскриптум	62
Примечания	
Из тифлисских слов и выражений	66
Из личного архива и старых фотоальбомов	69
Об авторе	85

Григорий Арутюнян

ГДЕ КУРА... ГДЕ МОЙ ДОМ...

(пролог к «Антиквариуму»)

Контактные телефоны автора:
(+37410) 39-69-76, (+37491) 94-48-43

Директор издательства
Комп. верстка и обложка

Э. С. Мкртчян
Г. А. Арутюнян

ISBN 978-9939-68-010-1

Печать офсетная. Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная.
Объем 5.5 п.л. Тираж 300.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗАНГАК»
РА, 0051, Ереван, пр. Комитаса 49/2, тел.: (+37410) 23-25-28
Факс: (+37410) 23-25-95, эл. почта: info@zangak.am
Эл. сайты: www.zangak.am, www.book.am, www.dasagirk.am